

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

УДК 394.91; 908; 930.2; 323.111

Степанов В. П.,

*доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
института славяноведения РАН,
зав. каф. социальных наук и этнонациональных процессов,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева*

Бессарабский молдаванин в трудах русских авторов

XIX – начала XX вв.

(этноисториографический очерк)

Часть 1

*Посвящается памяти
яркого историка современности –
Владислава Якимовича Гросула
(11.02.1939 – 14.01.2022)*

В монографическом очерке уделяется внимание анализу отдельных трудов, написанных русскими авторами в разные периоды XIX – начала XX вв., о молдавском населении Бессарабии, присоединенной к Российской империи по итогам русско-османской войны 1812 года. Отмечается заинтересованность представителей различных военных, промышленных, политических структур в освещении образа коренного жителя края. Основная масса описаний, в общем, характеризуется доброжелательностью, наряду с которой прослеживаются отдельные высокомерные высказывания в адрес местного населения. Последнее можно объяснить значительной социальной дистанцией между авторами работ XIX – начала XX вв. и основной крестьянской массой, которая, собственно, и выступала фоном для освещения. Даже между местной молдавской элитой и русским дворянством первоначально также прослеживалась немалая отдаленность.

XIX – начало XX в. – время динамики национализма в Бессарабии, развития и укрепления молдавского национального самосознания. Этому способствовали внешние и внутренние причины. Внешним фактором выступал раскол молдавских земель по р. Прут. К внутренним, уже бессарабским реалиям следует отнести наличие значительной социальной дистанции между частью национальной молдавской интеллигенции, которая зачастую не проводила границу между запрутскими и бессарабскими молдаванами (поэтому М. Еминеску, К. Негруци и мн. др. выступают классиками культурной элиты и в соседней Румынии), и малограмотным, в основном сельским молдавским населением, которое больше подвергалось воздействию российского законодательства и слова Божьего. Этому же способствовала традиция формирования

управленческой элиты из русских чиновников, офицеров и лояльного молдавского дворянства, которая создала условия для вовлечения молдаван в русскокультурное поле.

Формированию позитивного образа России и русских в немалой степени способствовала и местная церковь. В книге уделяется внимание освещению личностей митрополита Гавриила (Бэнулеску-Бодони), протоиерея Петра Куницкого. П. Куницкий одним из первых изложил на бумаге характеристику молдавского народа, к которой неоднократно обращались авторы XIX – начала XX вв.

Отдельно автор останавливается на роли и значении отражения образа молдаванина в разных жанрах русской художественной литературы рассматриваемого периода. В монографии анализируются произведения А. Ф. Вельтмана, И. С. Аксакова, А. С. Афанасьева-Чужбинского, О. Е. Накко.

Автор предлагает читателю собственную периодизацию, сложившуюся в XIX – начале XX вв. в освещении русскими исследователями молдавского народа.

Ключевые слова: Бессарабия, русские авторы, митрополит Гавриил, П. С. Куницкий, П. П. Свиньин, И. П. Яковенко, Ф. Ф. Вигель, Н. И. Надеждин, И. П. Липранди, А. Ф. Вельтман.

MONOGRAPH IN A JOURNAL

Stepanov V.P.,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Head. cafe Social Sciences and Ethno-National Processes, Oryol State University. I.S. Turgenev

**Bessarabian Moldavian in the works of Russian authors of the 19th -
early 20th centuries
(ethnohistoriographic essay)
Part 1.**

*Dedicated to memory
bright modern historian -
Vladislav Yakimovich Grosul
(02.11.1939 – 01.14.2022)*

The monographic essay focuses on the analysis of individual works written by Russian authors in different periods of the 19th - early 20th centuries, about the Moldavian population of Bessarabia, annexed to the Russian Empire, following the results of the Russian-Ottoman war of 1812. The interest of representatives of various military, industrial, political structures in highlighting the image of the indigenous inhabitants of the region is noted. The bulk of the descriptions are generally characterized by benevolence, along with which there are some arrogant statements addressed to the local population. The latter can be explained by a

significant social distance between the authors of the works of the 19th - early 20th centuries. and the main peasant mass, which, in fact, acted as a background for lighting. Even between the local Moldavian elite and the Russian nobility, there was also initially a considerable distance.

19th – early 20th centuries - the time of the dynamics of nationalism in Bessarabia, the development and strengthening of the Moldovan national identity. This was facilitated by external and internal reasons. The external factor was the split of the Moldovan lands along the river. Rod. The already internal Bessarabian realities include the presence of a significant social distance between the national Moldavian intelligentsia, which often did not draw a line between the Zaprut and Bessarabian Moldavians (therefore, M. Eminescu, C. Negruzzi and many others act as classics of the cultural elite in neighboring Romania as well) , and the illiterate, mostly rural Moldovan population, which was more exposed to Russian legislation and the word of God. This was also facilitated by the tradition of forming a management elite from Russian officials and officers and loyal Moldavian nobility, which created the conditions for the involvement of Moldavians in the Russian cultural field.

The formation of a positive image of Russia and Russians, to a large extent, contributed to the local church. The book focuses on highlighting the personalities of Metropolitan Gabriel (Banulescu-Bodoni), Archpriest Peter Kunitsky. P. Kunitsky was one of the first to put on paper the characteristics of the Moldavian people, which was repeatedly addressed by the authors of the 19th - early 20th centuries.

Separately, the author dwells on the role and significance of reflecting the image of a Moldavian in various genres of Russian fiction of the period under consideration. The monograph analyzes the works of A. F. Veltman, I. S. Aksakov, A. S. Afanasiev-Chuzhbinsky, O. E. Nakko.

The author offers the reader his own periodization, which took shape in the 19th - early 20th centuries. in the coverage of the Moldavian people by Russian researchers.

Keywords: *Bessarabia, Russian authors, Metropolitan Gabriel. P. S. Kunitsky. P. P. Svinin. I. P. Yakovenko. F. F. Vigel. N. I. Nadezhdin. I. P. Liprandi. A. F. Veltman.*

Введение

Бессарабия отошла к России в 1812 г. по итогам войны между двумя империями – Османской и Российской.

Россия XIX в. представляла собой империю консервативную, но далеко не дремучую, как ее часто любят представлять. Это была страна, способная победить одну из сильнейших армий в мире – армаду Наполеона Бонапарта, неоднократно она вступала в баталии со стареющей Османской империей. Россия проявила тогда себя как государство, постоянно борющееся за расширение своих сфер влияния и приращение территорий ¹.

История имеет своеобразное проявление, многие исследователи советского времени обвиняли Россию в имперских амбициях, называли душителем свободы и «жандармом Европы»². Но здесь следует сделать небольшую оговорку³. Грубейшей ошибкой является перенос приоритетов, свойственных другому времени, на современность. Сегодня, когда в мире разработаны нормы международного права, распространены ценности соблюдения прав человека, многие события прошлого выглядят чудовищно.

Историков вполне справедливо относят к глашатаям тех или иных интерпретаций прошлого, сказывающихся в настоящем. Хочется быть правильно понятыми. Когда заходит речь о Бессарабии, равно как и о другой исторически спорной территории, всегда появляется часть обвинителей России и не менее активное сообщество ее защитников. В принципе, подобный расклад вполне понятен. Как-то уже приходилось утверждать, что история – «дама с характером».

На субъективный «вкус» автора данной книги, из массы вышедших в последние годы работ по рассматриваемой проблематике заслуживают внимания несколько серьезных монографий: В. Я. Гросула [Гросул, 2014; Гросул, 2020], И. Ф. Грека и Н. Д. Руссева [Грек, Руссев, 2011], П. М. Шорникова [Шорников, 2007], а также исследователей из России, Молдовы и Канады А. Кушко, В. Таки, при участии О. Грома [Кушко, Таки, 2012]. Конечно, существуют десятки книг и сотни статей по бессарабиане, но здесь для краткости были названы несколько, причем концептуально очень разных работ. Книга В. Я. Гросула, аксакала молдовенизма, представителя классической советской, плавно перетекающей, благодаря основным концептам, в консервативно-государственную историографическую школу современной российской историографии. Исследования И. Ф. Грека и Н. Д. Руссева, П. М. Шорникова – яркий пример историко-патриотического концепта молдавских историков, регионалистов-молдовенистов – патриотов современной молдавской государственности. И, наконец, книга молодых исследователей А. Кушко, В. Таки и О. Грома, пытающихся подняться над границами и идеологиями государств, вокруг которых переплелись интересы бессарабского вопроса, но так или иначе тяготеющие в сторону концепции официальной румынской историографии. К слову, у них есть немало единомышленников, равно как и оппонентов в научных кругах России.

Для полноты картины здесь можно назвать еще одну обобщающую работу – «Молдаване» Ч. Кинга [King, 2000]. Эта книга, кстати, является весьма серьезной с точки зрения сделанных обобщений, зачастую рассматривается современными молдовенистами в выгодных для их концепций позициях.

Однако заметим, во всех названных трудах и сотнях не указанных здесь камнем преткновения выступают молдаване и румыны, их язык и право на существование молдавской независимости. При этом из проблемы, как правило, вообще выпадают другие, многочисленные жители края: украинцы, русские, болгары, гагаузы, евреи, ромы, поляки, армяне и др., о которых, как правило, пишут их «националменьшинственные» исследователи. Таким

образом, происходит не совсем корректное, искусственное разделение населения, в том числе современной Молдовы, а в исторических трудах – и более ранних ее периодов на титульных представителей края или страны и его нацменьшинства, о которых, еще раз повторим, как правило, повествуется в отдельных трудах.

У автора настоящей работы с единомышленниками есть идея подготовить книгу, в которой вниманию читателя будет представлен историографический анализ описаний русскими чиновниками, военными, учеными и писателями всей полиэтнической палитры, сложившейся в Бессарабии XIX – начала XX вв. Над данной монографией уже идет работа, и в скором времени она увидит свет. Однако в данной книге хотелось бы более подробно остановиться на анализе трудов русских авторов, отражающих образ молдаванина того времени.

Возвращаясь, в этом контексте, к Бессарабии, необходимо подчеркнуть, что ее население, даже превалирующее молдавское, имеющее ряд льгот и преференций со стороны российской короны, в плане сохранения местного законодательства, языковых послаблений и т. п., все равно находилось в подконтрольном и зависимом положении от русского правительства. Причем эти льготы в ходе интеграции края (осуществляемой сверху) в общероссийское пространство постепенно сокращались и были практически сведены на нет к 1873 г., когда Бессарбская область стала одной из губерний России. Но еще меньше прав у молдаван было до событий 1812 г., при османском протекторате. Свою родину молдаване называли «страной на пути всех бед». Тогда практически все население края испытывало многоуровневую зависимость от своего непосредственного помещика, правителя – ставленника султана и самого султана. Если еще вспомнить об османских райя, о политике внутри Молдовы, о чем так убедительно пишет В. Я. Гросул, становится понятно, сколь хитросплетенной была эксплуатация населения Молдавского княжества.

В Бессарабии XIX в., благодаря искусственной и естественной миграции, значительно обновился этнокультурный состав и начала формироваться новая этносоциальная общность бессарабцев (к слову сказать, так окончательно и не сложившаяся в силу последовавших после 1812 г. неоднократных изменений границ и «опекунов» данной территории. Так, по результатам Парижского мира 1856 г. Южная Бессарабия и дельта Дуная были переданы Молдавии. Через двадцать два года, по результатам Сан-Стефанского мирного договора и Берлинского конгресса, Южная Бессарабия была возвращена России. Но с 1918 по 1940 гг. земли между Прутом и Днестром оказались в составе Румынии, а с 1941 по 1944 гг. их контролировали немецко-румынские власти. Последующие события в истории Советской Молдавии уже не выделяли Бессарабию и бессарабцев в качестве отдельной территории и общности, наоборот, – южные и северные районы вместе с населением были переданы в юрисдикцию соседней Украины.

Конечно, население полиэтничного края необходимо было изучать. Особое внимание уделялось преобладающей массе молдавского населения. Изучать население вновь приобретенной территории необходимо было, прежде всего, на предмет лояльности к власти, добрососедству, их конфессиональности. Потом, во второй половине XIX столетия, с развитием этнографии и фольклористики и целого ряда других дисциплин появились и научные задачи, и интересы, дополняющие и расширяющие общие сведения о крае, которыми оперировали власти. Благодаря этому возник интерес властей к научным изысканиям в крае. Появились даже, выражаясь современным языком, государственные проекты вроде той же «Литературной экспедиции» или «Записок офицеров Генерального штаба».

Сразу необходимо подчеркнуть, что уже имеется немало работ, посвященных истории развития той же этнографической науки в крае. Среди них нужно обозначить труды О. С. Лукьянец [Лукьянец, 1986; Лукьянец, 2014; Лукьянец, 2015], В. П. Степанова [Степанов, 2001], С. Г. Суляка [Суляк, 2004], В. Н. Стати [Стати, 2008; Stati, 2007], Е. Паскарь [Паскарь, 2014] и многих других авторов. Мы здесь перечислили только книги, касающиеся истории этнографического изучения молдаван, украинцев, русинов (руснаков). Это важное и нужное направление в этнологической и исторической науках.

Хотелось бы обратить внимание на еще одну сторону подачи материала. Литературное слово эмоционально, оно способно сформировать устойчивые стереотипы и представления, которые могут передаваться из поколения в поколения. Поэтому, на взгляд автора данной монографии, привлечение художественных текстов, наряду с наблюдениями чиновников, военных и др., к анализу не только расширяет многогранность образа изучаемого народа, но и способствует дальнейшей научной междисциплинарной интеграции.

I. Молдаване в творческом наследии авторов из России

О митрополите Гаврииле и его времени. П. С. Куницкий. П. П. Свинын. И. П. Яковенко. Ф. Ф. Вигель. Н. И. Надеждин. И. П. Липранди. А. Ф. Вельтман.

Интерес российских авторов к Бессарабии вполне обоснован. Территория была включена в состав России, которая, естественно, нуждалась в описании нового территориального приобретения, с целью его дальнейшей интеграции в состав империи.

Прежде чем перейти к представлению отдельных трудов XIX – начала XX вв., необходимо отметить, что автор этих строк не первым обращает внимание на данную проблему. Ее комплексному изучению были посвящены серьезные разработки исследователей советского времени: О. С. Лукьянец, К. Ф. Поповича, Е. М. Двойченко-Марковой и ряда других ученых.

Не претендуя на особую новизну, мы все же постараемся представить основные вехи русской молдавианы.

Значительное влияние на трансформационные процессы в Дунайских княжествах оказала православная церковь, которая выступала мобилизационным механизмом в среде населения Молдавии и Валахии.

Противостояние двух империй – османской и русской – представляло собой еще и противостояние двух религий. В этом отношении Россия с ее православными традициями была значительно ближе к единоверческому населению Дунайских княжеств. Российский протекторат над Молдавией и Валахией в ходе русско-османских войн в начале XIX в. не мог не отражаться на внешней церковной политике.

Целая плеяда религиозных деятелей Молдавского княжества тяготела к очагу русской веры. Об этом немало написано [Шорников, 2007; Шорников, 2018]. Одним из ярких примеров проявления подобного мировоззрения было высказывание, приписываемое митрополиту Вениамину (в миру Василию Костаке): «Истинное счастье сих земель заключается в присоединении их к России» [Шорников, 2007: 144]. Еще раньше в 1656 году состоялось посольство второго логофета Георгия Стефана, правителя Молдавии, в состав которого входил митрополит Сучавский Гедеон. Это было первое посольство (потом были другие), которое добивалось от русского царя Алексея Михайловича перехода Молдавии под владычество и опеку России [Stati, 1998: 127; Шорников, 2009].

Подобные взгляды, получившие распространение в церкви, в немалой степени благоприятствовали формированию позитивного восприятия русской армии православным населением земель Молдовы, во время войн России с Османской империей, в том числе в войне 1806 – 1812 гг., в ходе которой Бессарабия перешла в состав Российского государства.

О митрополите Гаврииле и его времени. Яркой фигурой, к которой приковано внимание уже многих поколений исследователей, является митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони). Он был известен служением православной вере, положив свою жизнь на ее укрепление.

Период греческого фанариотства привел к распространению греческого влияния и на экзархат.

По результатам Ясского мира митрополит Гавриил был возведен на вновь созданную Бендерскую и Аккерманскую кафедру. Это был внешнедипломатический ход России на балканском направлении по усилению своего влияния через институт православной церкви, которая в тот период представляла серьезную, организованную и, самое главное, многочисленную силу⁴, поэтому попытка борьбы за контроль над церковью стала отдельной страницей в истории укрепления российского влияния в регионе. Это дало основание одним исследователям причислять митрополита Гавриила (Бэнулеску-Бодони) к агентам русского влияния и адептам русификаторской политики России [Еҫсо, 2004: 38-52], а другим – именовать его духовным отцом молдавского народа [Иринея (Тафуня), 25.05.2009]⁵, что, кстати, на взгляд автора данных очерков, не противоречит общей

динамике процесса выстраивания молдавской идентичности, которая последние два столетия развивалась в условиях тесного взаимодействия с русской культурой.

Став в 1792 г. экзархом Молдавии и Валахии, Бэнулеску-Бодони столкнулся с противостоянием со стороны греческого духовенства, которое пользовалось покровительством соэтников-фанариотов и опиралось на поддержку Константинопольского патриархата, составной частью которого была Молдавская церковь еще с XIV в.

Константинопольский патриарх Неофит не утвердил митрополита Гавриила в должности. Султан тоже желал иметь более сговорчивого и не пророссийски настроенного церковного управленца. Но Бэнулеску-Бодони проявил принципиальность и не отказался от кафедры. В результате это привело к его аресту и отправке в Константинополь. Только вмешательство России позволило освободить митрополита и сохранить его жизнь. С греческими монахами Бэнулеску-Бодони продолжал конфликтовать и далее, когда наводил порядок в монастырях, приписанных к заграничным греческим монастырям (такие обители именовались «преклоненными»). На него сыпались жалобы, но уже в адрес верховного правителя России, которые, впрочем, не достигли своего результата [Галаган, 06.08.2016].

21 августа 1813 г., спустя год после присоединения к России бессарабских земель, была образована Кишиневско-Хотинская епархия, которую возглавил митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони), до этого будучи экзархом Молдавии, Валахии и Бессарабии. Созданная епархия включала в себя и приходы, расположенные на левобережье Днестра, а также территории Одесчины, включая сам город, и Херсонщины.

С именем митрополита Гавриила связан процесс формирования Бессарабской митрополии в составе Московского патриархата. Он же принял активное участие в просветительской деятельности, способствуя открытию в Бессарабии духовной семинарии.

У митрополита Гавриила была целая плеяда достойных учеников. Полученное им образование в Греции принесло свои плоды в процессе его дальнейшего церковного служения. Он является основателем эллинистической религиозной школы. Его учениками были мастера русской словесности И. И. Мартынов, Н. И. Гнедич.

П. С. Куницкий. Одним из соратников митрополита Гавриила являлся Петр Семенович Куницкий ⁶, помогавший ему в становлении первого учебного заведения Бессарабии – духовной семинарии. С ним митрополит взаимодействовал еще во времена его руководства Екатеринославской губернией [Иваненко, 11.04.2020].

П. С. Куницкий вызывал и продолжает вызывать научный интерес среди исследователей Молдовы [Лукьянец, 1986: 19], Украины [Филипенко, 23.12.2020], России [Иванов, 2010]. Он одним из первых остановился на описании местного населения, прежде всего уделив внимание молдаванам, обратив внимание на полиэтничный состав населения: «...Но кроме Молдаван есть и других наций (так в тексте – прим. авт.), выгодами

земли или другими случаями сюда завлеченных, а именно есть: Великороссияне, Малороссияне, Болгаре, Греки, Армяне, Цыгане и Жиды ⁷. Великороссияне, Малороссияне занимаются большею частью хлебопашеством и скотоводством; а Греки, Армяне и Жиды торговлею, Цыгане же тем, что господа их делать заставляют» [Куницкий, 1813: 14].

В ходе описания молдаван П. С. Куницкий кратко остановился на их этнической истории «по их словесному преданию», отметив связь их предков с римскими легионерами и высланными из Италии преступниками. Сегодня подобное утверждение выглядит по меньшей мере как фрагмент, вырванный из сложного контекста этнической истории молдавского народа и касающийся времени формирования этнической общности волохов/влахов – общих предков восточнороманских народов.

Описывавший, в числе первых, Бессарабию и ее население Петр Куницкий обратил внимание на лояльность местного населения, приверженность основной его массы к «христианской восточной вере без всякой отмены и расколу» [Куницкий, 1813: 14].

Автор обратил внимание на благоприятные климатические характеристики края, подчеркнул плодородие земли и возможности получения хороших сельскохозяйственных урожаев. Дал оценку городам и «видам промышленности», прежде всего сельскохозяйственной и перерабатывающей.

Возвращаясь к характеристике этнического большинства края – молдаван, П. С. Куницкий озвучил важное наблюдение, которое необходимо привести полностью: «Обыкновенно попрекают Молдаван леностию в земледелии и вообще по части хозяйственной, но причины таковой недеятельности их и нерадения к благоприобретению надобно искать в обстоятельствах. Во-первых, известно, что Молдавия часто опустошалась набегами Татар, причем жители не только лишались всех своих хозяйственных заведений, но едва могли спасти жизнь свою, укрываясь в горах и лесах и убегая в чужие края. Во-вторых, Молдавия не редко бывала Театром войны, каковые обстоятельства также не улучшают состояние жителей и не ободряют к трудолюбию, но разоряют и в уныние приводят. В-третьих, наконец, здешние жители и в самое мирное время не были свободны пользоваться плодами трудов своих надлежащим образом, ибо приезжавшие из Турции купцы под именем казенных подрядчиков для покупки хлеба и скота привозили фирманы, или указы, от Порты с таксою: что почему платить, хозяин не имел права сказать, что ему не сходно по таковой цене продавать, или же что не имеет на продажу, когда имел, ибо закупщики чрез своих фактаров заблаговременно уже знали, что у кого есть, а Арноуты от Господаря даваемые, для содействия закупщикам, понуждали жителей и не хотящих к продаже с поставкою в Галацы или в другой портовой город, каковая поставка не редко стоила продавцам дороже той цены, какую они получали за свои продукты, насильственно проданные, а иногда и последних волов и самой жизни. Сии обстоятельства отнимали у Молдаван охоту к хозяйственности и делали их не прилежными к хлебопашеству, а наипаче к

посеву пшеницы. Обеспечение в собственности и свободное распоряжение плодами трудов своих зделают Молдаван хозяйливыми. Переселившиеся издавна в Россию доказали то собою на опыте, зделавшись прилежными и хорошими хозяивами» [Куницкий, 1813: 6–8].

Немаловажное наблюдение П. С. Куницкого косвенно поясняет дополнительную причину предпочтения молдаванами проживания в сельской местности и создания исторических условий для расселения торговых и ремесленных народов. Он, в частности, подчеркивал: «...Даже за некоторой стыд почитается быть ремесленником или художником. Пахарь или пастух в большем уважении, нежели всякой художник. Почему необходимость ремесленников заменяют иностранцы как то: Немцы, Поляки, Армяне и Жида, у которых тамо торговля находится в руках» [Куницкий, 1813: 30].

Специальное внимание уделено было им описанию «прежних прав и законов». В контексте не раз затрагивавшегося в научной литературе вопроса об особом статусе Бессарабии, который дискутировался после ее присоединения к России, понятно внимание Петра Куницкого к этой стороне культуры повседневности. Давая общую характеристику состоянию прав и законов Молдавии, автор подчеркивает, что они, «как и политическое состояние ее, зыбки и не тверды». Продолжая свои рассуждения, священнослужитель констатировал: «Они основываются на некоторых определениях владетельных Князей, хрисовами называемых, в разные времена по разными случаям изданных, так же и на Юстиниановых законах, которые однако Молдавский Диван с некоторого времени в таких только случаях употребляет, когда они подкрепляют ту сторону, которую Князь или сильнейшие бояре оправдать хотят; в противном случае называют их старыми и с настоящими обстоятельствами и обычаями земли не сходными. Вообще же можно сказать, что воля Султанов была законом для Молдавских Князей, воля Князей была законом для Дивана, имеющего некоторую тень национального Правления, затем и воля Диванских бояр была обыкновенно законом для земских исправников и судей, а сии, исполняя волю и прихоти верховных своих начальников, не страшились угнетать кого хотели, так что наконец право сильного соделалось правом и обычаем земли» [Куницкий, 1813: 19–20].

Петр Семенович выражает твердую уверенность в том, что «обыватели сего края, освободившись от таковых угнетений присоединением к России, не только не пожалеют о правительстве, под каковым они доселе были, но еще с великою радостью примут те права и законы, какие им даны будут» [Куницкий, 1813: 20]. Одновременно он обращает внимание на необходимость соблюдения статус-кво сложившихся в молдавском обществе интересов: «...Одного только боятся обыватели, чем их не благомыслящие устрашают, а именно: Бояре и прочие чиновники, чтобы не лишили их права иметь Скутельников и владеть своими наследственными или купленными цыганами по прежнему; а поселяне, чтоб помещики не присвоили себе права записывать поселян, живущих на их вотчинах в крестьяне и обременять их

работами или податями выше той меры, какова в древних постановлениях или хрисовах Князей означена. Она состоит в том, что поселянин должен работать тому помещику, на чьей земле живет, 12 дней в году, да сверх того давать из всех своих годовых продуктов, из помещичьей земли получаемых, десятую часть, и помещик получив даваемое за землю, не имел уже более никакого права на распоряжение семейством или собственностью поселянина, но за то и помещик не обязан был отвечать ни за какие казенные подати и недоимки с поселян, живущих на его земле, но отвечали сами поселяне, как казенные обыватели, состоя в распоряжении земского начальства. В прочем Боярам и другим чиновникам давались Скутельники, т. е. ранговые служители из поселян, как некогда было и в Малороссии, судя сколько кому по чину следовало. Сии ранговые, Скутельниками называемые поселяне, будучи увольняемы от казенных повинностей, обязаны были за то работать или платить тому, кому отпущены в ранговые, но они прежде вступления в ранговую обязанность договаривались с теми Боярами, кои имели право на известное число ранговых поселян, сколько платить или работать в год за то, что ранговая обязанность освобождала их от казенных повинностей. В прочем они, отработав или заплатив Боярину следуемое по договору, почитались свободными наравне с прочими не ранговыми поселянами. Совершенными же крестьянами почитались только одни Цыгане и состоят в полном распоряжении тех владельцев, коим они по документам принадлежат. Надежда, что таковое отношение между помещиков и поселян будет утверждено и соблюдается и впредь, удерживает Молдаван и Болгар на своих местах; противная же мысль внушаемая недоброхотами увлекла многия семейства за Прут и Дунай» [Куницкий, 1813: 20–22]. Одной из причин недоверия среди населения Бессарабии к русскому присутствию было опасение распространения в крае крепостничества⁸. Этим и объясняется причина устремленности части поселенцев за Прут и Дунай.

В контексте интереса властей России к Дунайским княжествам и их социально-экономическому состоянию объяснимо внимание П. Куницкого, направленное на освещение социальных слоев молдавского общества [Куницкий, 1813: 23–25], бытовавших здесь обычаев. Интерес вызывает один немаловажный пассаж, позволяющий представить себе тенденции в формировании общей динамики межэтнических взаимодействий в ходе освоения бессарабских земель, в первой половине XIX в.: «Что касается до обычаев, то сколько здесь наций, столько и обычаев. *В прочем все принаравливаются к Молдованским обычаям и их языку в рассуждении превосходства их числа* (выделено нами — прим. авт.)» [Куницкий, 1813: 15].

Показательны наблюдения П. Куницкого за традицией ношения одежды молдаванами. Одевание простонародья, по его словам, «похоже на козацкое малороссийское» [Куницкий, 1813: 16]. С малороссами усматривал он схожесть и в обычаях.

Любопытны наблюдения над боярством, которое, на время описания, демонстрировало подражание греко-турецким нравам⁹: «Бояре с некоторого времени начали принаравливаться к Греко-Турецкому наряду и обычаям.

Они носят сверх полукафтана, подпоясанного шалью, широкую и долгую епанчу без воротника с долгими широкими рукавами, на конце разрезанными, большие шаравары, желтые сафьянные туфли с таковыми же чулками, называемыми мешты, и большую шапку, зделанную на подобие митры, однако не из какой материи, а из самой мелкой серой овчины с маленьким суконным верхком. Так же первого и второго разряда Бояре носят бороду, которая состоит в числе привилегий, боярскому достоинству принадлежащих» [Куницкий, 1813: 17].

Наблюдения П. С. Куницкого дополняют сведения из записок Ф. Ф. Вигеля, который, говоря о бессарабской аристократии, отмечал «сходство между образом жизни богатейших молдаван и наших предков, к стыду нашему, разительное; и потому Кишинев еще более заслуживает внимания русских. Название бояр, длинная их одежда, длинные бороды, высокие шапки, богатые меха, коими они покрываются, их невежество, грубость, все напоминает древних наших царедворцев. В домашнем быту сходство сие еще заметнее: недостаток в самонужнейших предметах для удобства и приятности жизни, низкие комнаты, коих убранство состоит в широких лавках, покрытых коврами; столы, отягощенные множеством невкусных блюд, многочисленная, оборванная и засаленная услуга, между стариками ревность и удаление женщин от всякого участия в общежитии, великолепные наряды сих последних, алмазы, жемчуги, и вместе с тем неопрятность, все как было у нас в старину. Если быть в судебном месте, то легко счесть себя в приказной избе; а деловые бумаги, на молдавском языке с крючками и под титлами писанные, похожи ни дать ни взять на древние столбцы московского архива. Одним словом, все мысленно переносит нас в семнадцатое столетие и дает более чувствовать всю цену просвещения» [Вигель, 1892: 30].

Выход Вигель видел в просвещении, и, как верно отзывались о писателе его современники, характеризуя его как человека, обладающего тонкой интуицией, он предлагал решить проблему крестьянства: «прежде всего, раз навсегда, устроить судьбу резешей и царан, а потом смело приступить к преобразованию образования. Народ примет все с благодарностью, ибо несчастные рады всякой перемене; станут кричать сотни две самозванцев-дворян, губителей народных, но как можно слушать их лай? Поднять палку – и все замолчат. Сделать преобразование также не весьма трудно: стоит только основанием его взять наше учреждение о губерниях, область назвать губернией, а цынуты – уездами. Во всех частях управления употребляется русский язык и соблюдается русский порядок; остается только одна гражданская часть; введение в нее русских законов со всем их несовершенством было бы благом для сей земли и в тысячу раз предпочтительнее тому сумбуру, который доселе царствовал» [Вигель, 1892: 34].

Надо отдать должное предвидению Ф. Вигеля, во многом все так и произошло, как он предлагал, однако этот процесс занял бóльшую часть XIX столетия и повлек за собой для населения края ряд новых вопросов, среди которых, наряду с русификацией, получили дальнейшее развитие румынские

ценности (особенно для интеллектуалов) в ходе формирования румынской государственности.

Возвращаясь к творчеству Куницкого, следует познакомить читателя с отдельными элементами культуры повседневности, встречаемыми в описании края священнослужителем. Интерес представляют нормы гостеприимства начала XIX в., представленные Куницким: «Обыкновенный прием гостей у бояр есть: ложка сахарного варенья, стакан чайной холодной воды, чашка кофе и трубка» [Куницкий, 1813: 17]. Любопытно замечание автора о том, что привилегированные слои предпочитают иностранным напиткам молдавское вино. В простонародье «пьют водку и вино, но умереннее многих народов». Важной представляется этнопсихологическая характеристика, данная П. Куницким молдавскому населению «среднего и нижнего состояния»: «Молдаване вообще простодушны, гостеприимны, в вере и верности не колебимы и начальству послушны». Еще одной немаловажной чертой, свойственной молдавскому народу, было отсутствие нищих: «...Природных молдаван нищих и просящих милостыню вовсе нет у них, хотя бедность у молдаван не есть порок; но просить милостыню есть весьма безчестно не только для просящего, но и для всей его фамилии и потому никто не допускает до сего своих родных» [Куницкий, 1813: 18–19].

В своих рассуждениях П. С. Куницкий обращает внимание на слабое распространение грамотности, подчеркивая, наряду с другими причинами, умышленное сдерживание просвещения в крае до прихода российских властей: «...Прежнее Правительство не только не обращало на то никакого внимания, но кажется с намерением еще старалось содержать Молдаван в невежестве». Причем автор подчеркивает, что привилегированные круги в этом отношении мало чем отошли от простого народа. Далее следует пояснение: «Невежество Молдаванских Бояр причиною, что Князья присылаются из Константинопольских Греков, в противном случае Молдаване получали бы сии достоинства, на что и были примеры» [Куницкий, 1813: 29].

На проблеме образования останавливался в своих «Записках» и Ф. Вигель [Вигель, 1892: 33 и др.].

Куницкий выражает надежды на изменения к лучшему на ниве просвещения, указывая на первый случай открытия публичного училища (духовной семинарии, где преподавал он сам), «в котором как духовные, так и светские дети будут обучаться систематическим порядком. Время покажет, – продолжает П. Куницкий, – что и Молдаване имеют способность успевать в словесных науках, хотя Греки и приписывают им природную тупость» [Вигель, 1892: 29–30]. Тут важно подчеркнуть, что в связи с отсутствием в крае образовательных учреждений уровень образования даже среди привилегированных слоев населения был очень низок. Понимания и доверия к учебному процессу еще не выработалось, поскольку, как писал А. Защук, ссылаясь на документ того времени, первых учеников, в количестве около ста человек, «приходилось брать у молдаван убеждением и чуть не силою» [Защук, 1862: 397].

Вряд ли анализируемая записка была сделана П. С. Куницким в начале XIX в. без соответствующей диспозиции сверху. То, что описанием состояния бессарабских земель занялся священнослужитель, может быть объяснено несколькими причинами. Прежде всего, это свидетельствует о том месте в общественной иерархии, которое занимала церковь в то время, не только в России, но и в Молдавском княжестве. Церковь сосредоточивала в себе просвещенных и деятельных людей, активно привлекаемых царским режимом, да и само распространение носителей слова Божьего на вновь приобретенные территории играло не последнюю роль.

П. П. Сви́ньин. Сделанная П. С. Куницким записка подготовила площадку для дальнейшего скрупулезного анализа ситуации в крае, осуществленного чиновником российского Министерства иностранных дел Павлом Петровичем Сви́ньиным¹⁰, использовавшим наблюдения Павла Сумарокова (1800), Петра Куницкого (1813) и другие опубликованные и неопубликованные источники. Павел Сви́ньин, будучи чиновником государственной коллегии иностранных дел, выполнял особую миссию¹¹. Путешествуя по Бессарабии, он обобщил уже накопленный материал о крае, сделал собственные выводы, проработав источники, встречаясь с местными служащими, боярами, представителями творческой интеллигенции¹² и простого народа¹³. Сформулировать основные результаты описания края автору помогли многочисленные чиновники на местах (более десяти человек). Так, сведения о естественном состоянии данной территории предоставил И. И. Эйхфельд, церковную статистику – митрополит Кишиневский и Хотинский Гавриил, военную характеристику помог сформулировать генерал-майор М. Л. Булатов. Несмотря на свою описательность (П. П. Сви́ньину был свойственен беллетристический стиль), в итоге работа получилась достаточно информативной.

Личность и творчество П. П. Сви́ньина не обойдены вниманием многих авторов¹⁴. Из относительно свежих публикаций особо следует отметить содержательную статью И. В. Сапожникова, непосредственно посвященную описанию Бессарабской области П. П. Сви́ньиным [Сапожников, 2015]. К сожалению, полная рукопись П. П. Сви́ньина до современного исследователя не дошла и еще ждет своего счастливого первооткрывателя в одном из российских архивов.

Главная задача, которую призван был выполнить П. П. Сви́ньин, – анализ обстановки и сбор сведений о целесообразности предоставления населению края автономных привилегий. Понятно, что в особой форме правления больше всего было заинтересовано бессарабское боярство, равно как интерес российской власти состоял в лояльности населения приобретенной окраины.

На страницах Интернета сегодня можно встретить противоречивую информацию о Павле Сви́ньине. Одни его называют баловнем судьбы и приводят пример того, что он, попав в молодые годы в Бессарабию, возгордился и стал принимать дорогие подарки¹⁵, чем вызвал недовольство в Санкт-Петербурге, был отозван¹⁶ и больше никогда не получал

дипломатических заданий¹⁷. Он представляется как разносторонняя, увлекающаяся личность, оставившая свой вклад в науке, музейном деле, дипломатии и литературе. В других публикациях отмечается, что Павел Петрович, в силу личной непосредственности и увлеченности, зачастую воспринимался несерьезно, что привело к высмеиванию Свиньина со стороны его известных современников: А. Пушкина, А. Измайлова, Н. Гоголя и др. [Митрофанов, 19.07.2019], а патриотизм его ошибочно представлялся наигранным¹⁸. Высокую оценку в описании экономики, жизни и национальных особенностей американцев, сделанном П. П. Свиньиным в ходе пребывания в Америке, дают ему современные исследователи-американисты [Болховитинов, 2001: 434].

В целом, несмотря на достаточное освещение отдельных сторон разносторонней жизни П. П. Свиньина в литературе прошлого и настоящего, его насыщенная жизнь изучена явно неполно. Обычно встречаются публикации либо освещающие основные вехи его жизненного пути, либо концентрирующие внимание на отдельных сторонах его творческого наследия.

Собственно, наш небольшой экскурс не отличается в этом смысле оригинальностью. Мы лишь обратим внимание читателя на отдельные наблюдения относительно молдавского населения Бессарабии, которые отразил в своих очерках П. П. Свиньин.

Однако прежде чем перейти к этому, необходимо сделать, как представляется, немаловажное замечание. В одной из своих работ О. Гром, характеризуя противостояние румынофилов и молдовенистов в современной историографии, обратил внимание на устойчивую установку у части современных исследователей бессарабианы, которыми руководит «наивная вера в то, что исторические источники сами по себе могут „доказать” или „опровергнуть” ту или иную политическую концепцию, как применительно к прошлому, так и в отношении настоящего, а задача историка при этом сводится к „ознакомлению” публики с содержимым документов. Часто это принимает комические формы, когда „методология авторов сводится к выделению в цитатах жирным шрифтом или курсивом „ключевых слов” – „молдаванин”, „молдавский”, „Молдова” у молдовенистов и „румын”, „румынский”, „Румыния” у их оппонентов» [Гром, 2018: 136].

Подобный подход попытались применить в свежей публикации А. Долгий и А. Феля. Их нарратив, как и у их коллег А. Крихана, Г. Гимпу и др., сводится к подчеркиванию идеи, что источники Российской империи XIX в. «признавали, что коренное население Бессарабии, названное ими молдаванами (румынами), влахами/волохами, относится к румынскому народу, подчеркивая, что де-факто коренное население Бессарабии осознавало свою принадлежность к румынской нации, зная ее дако-римское происхождение» [Долгий, Феля, 2018: 25].

Абсолютно обратную аргументацию в анализе трудов дореволюционных авторов можно встретить в публикациях молдавенистов [Стати, 2002; Стати, 2008 и др.].

Некоторые пассажи со стороны оппонированных румынофилов и молдовенистов в современной Республике Молдова действительно порой напоминают спор детей на детской площадке. Речь идет о подчеркивании давности образования государственности. Долгое время одним из аргументов молдовенистов было утверждение о более раннем происхождении средневековой Молдовы (1359). В сравнении с появлением румынского государства в середине XIX в., это был весомый бонус в пользу молдовенистов. Но этим дело не закончилось. В ход пошел анализ средневековых письменных источников, с целью поиска доказательств, кто ранее упоминается – молдаване или румыны. И вот обнаруживается документ о названии Угровлахии – «письмо боярина Някшу», в котором упоминается наименование «Цара ромэняскэ» в 1321 г. [Письмо Неакшу, 25.12.2020]. Подобного рода споры продолжаются, выходя за границы научных дискуссий, затрагивая, в том числе, политические силы в современной Республике Молдова, да и немалый круг обывателей [Степанов, 2015 др.].

Безусловно, важно знать и изучать подобного рода тонкости исторического наследия. Но если рассуждать с точки зрения теорий современных национализмов, то многочисленные средневековые названия государственных образований, столь важные для истории, просто лишний раз указывают на процесс нацистроительства и формирования этнорегиональных особенностей двух родственных народов.

Подобным подходам свойственна излишняя эйфоричность, которая зачастую сопровождает националистические проекты, вдохновляя их авторов и исполнителей на доказательство своей правоты. В процитированной выше работе А. Долгий и А. Феля приводят более взвешенные слова А. Кушко и И. Шарова о романском характере бессарабцев¹⁹.

Мы не случайно обратили внимание на наличие подобных пассажей в научной литературе в связи с тем, что при характеристике этнического состава населения Бессарабии авторы XIX – начала XX в., совершая экскурс в этническую историю молдаван, зачастую передавали отдельные сведения из очерков в очерки, заимствуя их друг у друга, зачастую не являясь историками и весьма поверхностно представляя сложные этнические процессы, имевшие место на молдавских землях.

Собственно, подобный нарратив мы встречаем и в работе П. П. Свинына, в которой представлена схематичная теория континуитета, согласно которой, под напором враждебных римлянам сарматов, готов и гуннов, «римские колонисты удалились частью в Карпатские горы, частью же в отдаленнейшие места верхней Дакии, где оставались доколе все народы оные, вытесняя одни других, оставили земли сии, и избрали наконец постоянные жилища, а именно: готы в Германии, сарматы и славяне в Иллирии и Боснии, гунны или венгры в Паннонии и, наконец, болгары в нижней Массии (Мезии – прим. авт.), нынешней Болгарии за Дунаем. В сие время потомки римских колонистов, расселенные по разным странам, но знавшие из преданий о месте жительства предков своих, переселенных из

Италии, удостоверюсь, что отчизна их свободна от всех чужих народов, начали под разными предлогами собирать сведения и осматривать онные земли. В 1367 г. по молдавскому летописцу, один из потомков римских переселенцев Троянской провинции, или Дакии, живший в Паннонии, по имени Драгош, с несколькими товарищами, отправившись за охотой, перешел Карпатские горы и, напавши на дикого быка, гнал его до реки, известной ныне под именем Молды (так называлась любимая собака Драгоша, потонувшая при случае в реке сей, по имени коей названа и река и земля сия)²⁰. Там осматривая пустые сии земли, населенные прежде его предками, нашел он наконец одного человека по имени Яцко, занимавшегося пчеловодством, который назвал себя Руссом, выходцем из Польши, владельцем тех мест. Он объявил ему, что сия земля необитаема до самого моря и Дуная. Драгош, пленившись онною и узнав все ее выгоды, возвратился со своими спутниками в Паннонию для забираяния семейств своих. С ним переселилось еще великое множество его одноземцев, которые и основали жилища свои в Молдавии и Валахии вниз по Дунаю и Днестру до Бессарабии и даже до Черного Моря под именем Романов и Молдавцев, а соседние народы называли их Волохами» [Свиньин, 1867: 200–201].

Как видит читатель, автор выделяет общее средневековое имя восточных романцев – «волохи», как он справедливо отметил, известное соседним народам, и два этнонима-самоназвания: «романы» – румыны и «молдавцы» – молдаване.

В этой же второй части «Описания Бессарабской области» П. П. Свиньин останавливается на характеристике народонаселения края, отмечая его полиэтничность и выделяя: молдаван, русских, греков, болгар, армян, немцев, сербов, евреев и цыган.

Говоря о молдаванах, П. Свиньин подчеркивает, что названы они «от речки Молдавы». В этом же разделе он затрагивает происхождение термина «волохи». Уже тогда чиновник отмечает, что «имя сие происходит разно». Автор приводит несколько вариантов происхождения этого термина. Все они у него связаны с итальянским происхождением. Больше всего он склоняется к происхождению его от наименования части Италии, «лежащей между устьями Тибра и Цирсеем» [Свиньин, 1867: 204].

На сегодняшний день можно говорить о том, что в историографии сложились несколько направлений, прежде всего – румынское и молдавское, которые совершенно по-разному интерпретируют волошскую теорию. В румынской историографии она выливается в две основные теории. Первая называется автохтонной. Ее сторонники придерживаются точки зрения о том, что процесс оформления волохов протекал в горах римской провинции Дакия после ухода римских колонистов в 271–275 гг. н. э. Они утверждают, что волошское население вело замкнутый образ жизни и спустилось с гор при благоприятных обстоятельствах спустя практически тысячу лет в XIII – XIV вв.²¹

К автохтонной теории следует отнести и сторонников дакизма. Ее ярким представителем выступает В. Пырван [Parvan, 1926].

Вторая теория – миграционная. Миграционисты являются сторонниками теории Р. Реслера (хотя и до него высказывались подобного рода идеи) [Rösler, 1871]. Появление труда ученого совпало с активным государственным строительством румынского государства, что привело к необходимости выдвижения тезиса о романизации как основной идеи этногенеза. Согласно теории Реслера, римские легионеры покинули Дакию в III в., с ними ушло и романизованное население, после чего пустующие земли заняли другие народы. Часть романизованного населения сохранилась лишь южнее Дуная.

По мнению современного исследователя Р. Бутучел, появление теории Реслера привело к активизации румынской историографии, оспаривавшей ее, что послужило, по сути, толчком для «формирования румынской „буржуазной“ историографической традиции, основателями которой выступают Н. Бэлческу, М. Когэлничану и др.» [Бутучел, 2013: 82].

Существует немало разного рода промежуточных концепций между автохтонной и миграционной теориями. Мы здесь не будем на них останавливаться, это достаточно аргументированно сделано в названной публикации Р. Бутучел. Необходимо лишь отметить, что в историографии, посвященной этногенезу и этнической истории восточнороманских народов, ощущается влияние двух, безусловно важных, этнокультурных компонентов – римского и славянского (добавим – и массы других). Но, названные два, несмотря на разные периоды исторического проявления, предопределяют различное отношение к этнической истории румын и молдаван, причем в одних подходах подчеркивается одна сторона, а в других – иная [Федоров, 1999; Рабинович, 2000].

Этническая история румын и молдаван как направление наличествует достаточно давно, но на протяжении всего времени своего существования это, казалось бы, сугубо научное направление подвергалось активному вмешательству политики.

Небольшой экскурс в историографию этнической истории восточных романцев, приведенный в контексте обсуждения лапидарных сведений, встречаемых у П. П. Свинына, не случаен. Далее, при знакомстве с отдельными работами авторов XIX – начала XX вв., еще будет возможность столкнуться с освещением подходов к данной теме.

Но в контексте интерпретации событий изучаемого времени принципиально отметить, что научная аргументация определенных теорий играла в тот период не главенствующую роль. Время и ситуация были иными. Большая, нарастающая на протяжении XIX в. свои территории Российская империя, пользуясь правом сильного, решала территориальные вопросы по-своему усмотрению, рассматривая народы окраин по принципу их лояльности к короне и государству. Взгляд на народы окраин, в том числе на молдаван, со стороны просвещенной русской элиты мало чем отличался от восприятия коренных народов Севера или Кавказа. Для нее (элиты) все они выступали в качестве экзотических дикарей.

Гуманитарная наука как составная часть идеологии зачастую следовала за политическими приоритетами. Отсюда, кстати, появление уже в советской историографии попытки отделить этническую историю молдаван от румын в трудах Н. А. Мохова, Я. Гросула, Л. А. Полевого. По мнению представителей этой школы, в ходе расселения славян в Карпато-Дунайских землях сформировались два народа: мунтяне – румыны и волохи. Хотя оба они подверглись романизации, последние отличались от румын преобладанием славянского влияния. Именно от волохов, по их мнению, и произошли молдаване [Бутучел, 2013: 85]. Румынской историографии второй половины XX в., наоборот, свойственно принижать и замалчивать роль славянского фактора в этнической судьбе румын, аналогичный подход наблюдается в трудах современных румынофилов Республики Молдова²².

Обращает на себя внимание описание П. Свиныным языка молдаван. Данной теме он уделил достаточное внимание. «Молдавский язык, – по словам П. Свинына, – имеет свое происхождение от латинского»²³, подчеркнув, что «он принял также много славянских слов, как по соседству Молдавии с Россией, Польшею и Болгариею, так и по родственным связям, ибо нередко польские и сербские князья вступали в родство с молдавскими, более же потому, что по разделении церкви на восточную и западную, Молдавское и Валахское княжества оставили буквы латинские и приняли славянские (делает ссылку на «Описание Молдавии Д. Кантемира» – прим. авт.), так что со времени молдавского митрополита Феокиста и владетельного князя Александра, прозванного добрым, приняты славянские письмена.

До наших почти времен все церковные книги были славянские, которые и теперь, в ризницах монастырских и некоторых церквах, сохраняются – судебные акты и княжеские грамоты так же писаны были по славянски...» [Свинын, 1867: 220].

При этом важно подчеркнуть умение автора ориентироваться в особенностях пополнения языкового багажа у волошского населения разных регионов: «...Можно сказать, что молдавский и валахский язык имеют основанием латинский и славянский языки. Трансильванские волохи в наречии своем имеют уже менее славянских слов, а приняли много венгерских; волохи же, обитающие в разных частях за Дунаем, смешали язык свой с простым греческим наречием, коим писаны и церковные их книги» [Свинын, 1867: 221].

Автор высказал собственное видение слабого развития «отечественной словесности» у молдаван, объясняя это ситуацией, связанной с постоянными войнами, «далее обстоятельства религии, заставившей их оставить национальные буквы, и наконец, порабощение и угнетение турками» [Свинын, 1867: 221]. Изменения в лучшую сторону П. П. Свинын ожидал от присоединения Бессарабии к России.

Говоря о политической значимости заметок П. П. Свинына, следует напомнить, что в немалой степени именно благодаря им удалось обеспечить получение Бессарабией особого автономного статуса.

П. П. Свињин удедил серъезное внимание описанию православного вероисповедания основной массы населения края, а также духовному управлению [Свињин, 1867: 208–210]. Понимая, что описание изначально готовилось как отчетный документ о состоянии края, который должны были читать чиновники, аргументом в пользу поддержки православия на данной территории выглядело замечание автора о том, что «во времена татарского владычества христиане Бессарабии были ужасно гонимы, и в деревнях не позволялось им отправлять богослужения, иначе как в землянках» [Свињин, 1867: 209].

Значимой представляется актуализация П. Свињиним важности взвешенного и благоразумного отношения к местному населению со стороны правительства, в частности при определении числа поселенцев в крае, «дабы оне были уверены, что все предпринимаемое и вводимое онным клонится к их благосостоянию и пользе, на что поныне, кажется, начальство бессарабское весьма мало обращало внимания; иначе же они оставят свои жилища и разделятся через свои бегства, подозревая, что перепись людей делается для отдачи их в рекруты или в рабство помещикам, чего они больше всего страшатся» [Свињин, 1867:210–211].

Как и Куницкий, Свињин останавливает внимание на социальной структуре населения края, выделяя: духовенство, бояр, мазылов, рупташей различные категории крестьянства (резешей, царан) и, наконец, крепостных – цыган.

Автор отмечает свободу молдавского населения от помещичьей зависимости, которая выливается лишь в выплаты одной десятой части дохода и отработки 12 дней в году в пользу помещиков [Свињин, 1867:217–218].

Описание нравственного состояния населения во многом заимствовано П. Свињиним от П. Куницкого. В нем подчеркивается, что «молдаване более тихого, мягкого и доброго характера, люди же среднего и низшего состояния простодушны, гостеприимны, в вере и в верности непоколебимы и начальству послушны: но от беспрестанных насилий сделались робки и недоверчивы к правительству. Сие последнее есть причиною, что они мало заботятся о хозяйстве» [Свињин, 1867: 220]. По сути, тем самым он привлекает внимание к необходимости создания условий для стабильной жизни обывателей на приобретенной Российской империей новой территории.

Из раздела «политическое состояние Бессарабской области» становится видно, что после Бухарестского мира осталось еще немало вопросов, связанных с размежеванием и использованием приграничных территорий. В контексте нашего ракурса, направленного на освещение идентичностей местного населения, можно представить рассуждения П. Свињина на этот счет: «...Управление сею областью затруднительно, с одной стороны по числу наций, из коих каждая имеет свои привилегии, права и обязанности, а с другой потому, что она имеет, как я выше сказал, непосредственное влияние на политические отношения сего края к их соседям. Молдаване смотрят с

упованием на Бессарабию, как на предтечу их будущей судьбы, а турки, с своей стороны, всячески стараются охладить преданность сего народа к России. Сношения Бессарабии с Молдавиею и Валахию по тяжбам и различным связям часто переносятся в Константинополь для решения, а потому здешний областной начальник имеет частую переписку не только с российскими консулами, но и с полномочным при Порте оттоманской...» [Свиньин, 1867: 224].

Внимание П. П. Свиньина в его «Описании Бессарабской области» сосредоточилось также на анализе молдавских законов. Он приходит к выводу, что «законы молдавские относятся не к одной только судебной части, т. е. дел гражданских и уголовных в судебных местах производимых, но заключают в себе предметы и по части управления» [Свиньин, 1867: 224]. При этом чиновник подчеркивает: «...При собирании сих и других документов я имел целью привести оные в систематический порядок, и после тщательного и надлежащего рассмотрения представить правительству на каждый предмет те из законов, кои ближе к благосостоянию, местным обстоятельствам и выгодам Бессарабского народа» [Свиньин, 1867: 224]. Чиновник выражает неудовлетворенность тем, что представленное им руководство к составлению свода всех известных молдавских узаконений, направленное в дворянский комитет не возымело результата²⁴. Он возмущается, что ему не предоставили желаемых сведений «касательно молдавских обычаев и постановлений»: «А потому если теперь не могу дать столь обстоятельных и подробных сведений, какие в состоянии бы был представить, получая от онаго достаточные ответы на мои запросы, то по крайней мере открыты мною все источники и собраны материалы, по коим документы дворянского комитета весьма легко могут довершить начатое мною предприятие» [Свиньин, 1867: 224]. Из цитаты становится видно, что П. Свиньин провел работу по сбору и систематизации местного законодательства, при этом не получив от местных служб ответы на возникшие в ходе работы вопросы. Следует предположить, что у чиновника имелся отдельный свод (список) законодательных документов, используемых в крае, который он, скорее всего, передал непосредственно в Министерство иностранных дел, по направлению которого и приехал в Бессарабию.

Автор подчеркнул, что после присоединения края к России местные жители получили право «управляться их законами», с освобождением на три года от всяких повинностей и рекрутских наборов.

Здесь же дано описание присутственных мест в области (местных государственных служб), обеспечивающих функционирование государственной жизнедеятельности. Из него становится видно, что все базовые направления жизнедеятельности области обеспечивались привлечением местных (молдавских) чиновников с участием российских назначенцев. При этом автор отмечает, что большая часть бояр, оказавшаяся в местном правительстве, «никогда не была употребляема ни в каких делах по управлению Молдавиею» [Свиньин, 1867: 228]. Несмотря на наличие русских советников в региональных службах, чиновник считает их число

явно недостаточным: «...Если намерены были дать сей области коллегиальное правление, то назначив в департаменты и общее собрание 8 молдавских и 3 русских советников, можно ли ожидать здесь равновесия в голосах и единства мнений» [Свиньин, 1867: 228].

Отдельно автор приводит описание исправничеств – государственных представительств на местах, управляемых «по обычаям молдавским». Видно, что автор серьезно вник в существо вопроса о функционировании местной «управленческой машины», о чем свидетельствуют выдвигаемые им конкретные предложения, в том числе по организации региональных органов управления, служб, связанных с землемерными работами, архитектурой, почтовой службой, медициной [Свиньин, 1867: 229–236 и др.].

У нас нет цели подробно рассматривать все темы, поднимаемые в описании Бессарабии П. Свиньиным. Каждая представляет интерес и по-своему раскрывает сложный мир устоявшихся на тот период взаимоотношений в крае. Так, в разделе, освещающем политическое состояние Бессарабской области, автор отмечал: «Управление сею областью затруднительно, с одной стороны, по числу наций, из коих каждая имеет свои привилегии, права и обязанности, а с другой, потому, что она имеет, как я выше сказал, непосредственно влияние на политические отношения сего края к их соседям. Молдаване смотрят с упованием на Бессарабию²⁵, как на предтечу их будущей судьбы, а турки, со своей стороны всячески стараются охладить преданность сего народа к России» [Свиньин, 1867: 244]. Таким образом, еще до событий 1858-1859 гг. в Яссах запрутские молдаване сталкивались с политикой ограничений, но только не прорумынски настроенных соэтников, а турок. Кстати, тема формирования османами негативного образа русских и России в среде населения Дунайских княжеств практически не раскрыта в историографии. Тут достаточно вспомнить число военных столкновений Османской и Российской империй на протяжении XIX в.

Благодаря наблюдательности автора даже в отдельных комментариях можно проследить отношение народов друг к другу. Что касается взаимоотношений России и Османской империи, остается добавить, что ни одна из сторон не рассчитывала на то, что на Бухарестском мире будет поставлена точка. И русские, и османы продолжали готовиться к войне. Потому неудивительно внимание чиновника Министерства иностранных дел к характеристике так называемого «военного состояния» области. Одним из вопросов, затрагиваемых в указанном разделе, было расквартирование военнослужащих и связанные с ним проблемы. В этом ключе автор сделал немаловажное наблюдение, учет которого способствовал укреплению авторитета российских войск в крае. Он отметил, что богатство земли и источников позволяло бы сделать содержание войск местным населением необременительным, если бы «они не были отягощены земскими повинностями, кои весьма часто отвлекают поселян от поля <...> Сие обстоятельство, равномерно и азиатская ревнивость их к женам, коих они не привыкли никогда оставлять с посторонними мужчинами и редкому из них

показывают, причиною, что молдаване, особливо болгары жалуются на постои войск, и с величайшим удовольствием вызываются к постройке казарм, несмотря на то, что войска по примерной бдительности начальника, содержатся в совершенной дисциплине, так что малейшая обида, нанесенная солдатом, немедленно по рассмотрении удовлетворяется» [Свиньин, 1867: 246].

Как успел заметить читатель, общая картина, рисуемая наблюдениями и компиляциями П. П. Свиньина, достаточно подробно представляет общую картину Бессарабского края, в том числе характеристику молдавского населения.

Можно утверждать, что благодаря усилиям П. Куницкого и П. Свиньина, составивших два представленных выше документа, были созданы дополнительные условия для сохранения, хоть и временного, региональной специфики управления бессарабским краем, формировались представления в русле устремлений царской политики экспансии в Придунавье, с целью формирования у их народов положительного образа России и привлечения их симпатий на сторону империи, для укрепления ее позиций на балканском направлении.

Несколько слов необходимо сказать о еще одной работе П. П. Свиньина, посвященной описанию естественных богатств Бессарабской области. Наряду с презентацией природно-климатических условий края, его флоры и фауны, автор останавливается на описании традиционных занятий населения, давая подробные комментарии к каждому из направлений хозяйствования [Свиньин, 1818].

«Естественное описание Бессарабской области» было опубликовано П. Свиньиным в его «Отечественных записках»²⁶.

В контексте нашего изложения обращает на себя внимание его комментарий к занятию молдаван хлебопашеством. Он констатирует малочисленность населения и наличие отличных почв. В связи с незаселенностью края, отмечал автор, «население несоразмерно еще пространству земли и она остается большею частью необработанною, земледелец бросает тотчас свое поле, как скоро оно начинает истощаться, имея всегда возможность избрать для себя новое...» [Отечественные записки, 1818: 149]. Характеризуя хлебопашество в целом, Свиньин констатировал, что оно «находится в самом посредственном состоянии». «Молдаване вообще, – продолжал он, – не очень деятельны и о земледелии не столько радят, как бы надлежало. Причины сему должно искать в местных обстоятельствах. Во время турецкого владения все стремилось не к поощрению их земледелия, но к подавлению и малейшей наклонности к оному: ибо, во-первых, известно, что область сия часто подвержена была набегам татар, причем жители лишались не только всех своих хозяйственных заведений, но и с трудом спасали жизнь и свободу <...> во-вторых, земля сия почти беспрестанно была театром войны разрушительной, а в-третьих, жители и в самое лучшее время не могли пользоваться плодами трудов своих; ибо приезжавшие из Турции купцы, под именем казенных

подрядчиков для покупки хлеба и скота, привозили фирмы от Порты с положенною ценою на продукты, и никто после сего не имел уже права отказываться...» [Отечественные записки, 1818: 149–150].

Автор высказывал уверенность, что при соответствующей работе с населением интерес к производству хлеба стал бы расти. При этом он указал на местную особенность, когда молдаване предпочитали арнаутке кукурузу: «...Если бы другой хлеб продавался по одной и той же цене, то и тогда предпочли бы они кукурузу и просо арнаутке и пшенице» [Отечественные записки, 1818: 154].

В публикации подробно анализируются другие отрасли сельскохозяйственного производства: садоводство, огородничество, виноградарство, скотоводство, птицеводство, рыбная ловля, пчеловодство.

Каждое из представленных направлений не только подробно описывалось Свиньиным, но и характеризовалось сквозь призму авторского видения, направленного на его улучшение.

С 1818 (когда Свиньин опубликовал свое «Естественное описание Бессарабской области») по 1828 гг. в Бессарабии вводится ограниченная административная автономия. 29 апреля 1818 г. в Кишиневе русский император Александр I обнародовал новый регламент о реорганизации административной системы Бессарабии – «Устав образования Бессарабской области». Документ учитывал специфику местных реалий в организации и деятельности органов управления Бессарабией. Она получила статус административной автономии в составе Российской империи.

Следующий этап в истории обустройства бессарабских вольностей связан с событиями 20-х гг. XIX в. Данное время достаточно хорошо освещено в научной литературе. В этот период произошел целый ряд резонансных событий: восстание геттеристов, бессарабская ссылка А. С. Пушкина, деятельность «Южного общества» декабристов, в том числе в Бессарабии, и их выступление в 1825 г. в столице России (подготовка которого осуществлялась и в Бессарабии), наконец, начало новой войны между Османской державой и Российской империей в 1828–1829 гг., закончившейся Андрианопольским миром.

Начиная с 1828 г., в Бессарабию была внедрена общероссийская губернская модель управления, под нее выстраивались налоговая и судебная системы. Однако частично сохранялись нормы прежнего гражданского права. Регламентировалось использование молдавского языка; по сути, все делопроизводство переводилось на русский язык.

И. П. Яковенко. В 1828 г. увидели свет две работы И. П. Яковенко и А. Ф. Вельтмана.

Перу Игнатия Павловича Яковенко, писателя, журналиста и географа того времени, принадлежит труд «Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и российской Бессарабской области» [Яковенко, 1828]. Сразу следует оговориться, что освещение запрутской Молдовы и еще более Валахии представлено с явно бóльшими подробностями. Бессарабии, по сути, внимания не уделяется. Можно предположить, что подобный подход

объясняется интересом России, транслируемым через творчество путешественника, к Дунайским княжествам в связи с незавершенными амбициями России по распространению своего влияния на балканском направлении (Бессарабия к тому времени была уже в составе России).

Опубликованные в книге наблюдения осуществлены в 1820 г. В ней изложено историческое, статистическое, географическое, этнографическое описание названных территорий в виде писем. Автор предоставил читателю информацию о правителях Молдавии и Валахии, остановился на освещении социальной иерархии местного общества, сведений о воеводах и боярстве Молдовы и Валахии, о природно-географических, сельскохозяйственных характеристиках Валахии и др.

Мы не будем останавливаться на полном рассмотрении названного труда И. Яковенко. Сфокусируем внимание только на отдельных аспектах, касающихся нашего разговора.

Как и П. П. Свињин, И. П. Яковенко в первом своем письме представляет информацию о континуитете местного населения: «Разрушительнейшее опустошение мест, прилежащих к Дунаю в Молдавии и частью в Валахии, произведено татарами в 1228-м году после Р. Х., и варварская жестокость их обратила в бегство значительную часть жителей, из коих одни переправились на правую сторону Дуная, в Болгарию, а другие искали спасения своего в горах Карпатских, которые и способствовали более всего сохранению национального их существования» [Яковенко, 1828: 6–7]. Характеризуя население Валахии, он подчеркнул: «Но самые природные жители и теперь еще называют себя Ромунами и Княжество именуют не Валахию, но Цара Романьска, подтверждая тем происхождение свое от Римлян» [Яковенко, 1828: 8].

Следует отметить, что И. Яковенко достаточно серьезно углубился в политическую историю княжеств, обращая внимание на неоднократные попытки молдавских и мунтянских князей заручиться поддержкой России против Порты, начиная со времен Ивана Грозного [Яковенко, 1828: 10–11], он справедливо подчеркивал мысль о том, что Молдавия покорилась Османской империи гораздо позже Валахии, – лишь после смерти Стефана Великого [Яковенко, 1828: 14].

Достаточно подробно останавливаясь на описании функций боярства, автор приходит к выводу, что «порядок старшинства и других Бояр в Молдавии расположен также несколько иначе, нежели в Валахии» [Яковенко, 1828: 20]. И далее уточняет: «Каминарь, пахарник, сардарь, стольник, медельничерь, ключарь, слуджарь, пишарь, шатрарь – все сии чиновники хотя и расположены в старшинстве иначе, нежели бояре Валахские, но обязанности их те же самые, как и в Валахии...» [Яковенко, 1828: 21].

Автор отмечает, что господа «в прежнее время»²⁷ «не бывши обеспеченными, что останутся князьями на долгое время, изобретали всякие способы к увеличению доходов своих, подвергали народ чрезвычайным налогам <...> угнетения происходили до такой степени, что бедные

обыватели не находили другого средства для спасения своего, как искать защиты у Всеавгустейших монархов России, которые, даровав им человеколюбивое покровительство, оказывали всегда, при всяком случае, искреннее участие в судьбе их <...> Россия не щадила ничего для доставления спокойствия и благоденствия единоверному народу. Она употребляла всегда особенную заботливость, чтобы сколь можно положить преграду неумеренной жадности господарей, чтобы оставить их бессменными на целые семь лет» [Яковенко, 1828: 25–26]. Правда, как констатирует он далее, это не помогло, ибо были придуманы новые схемы, направленные на обогащение первых государственных лиц ²⁸.

И. П. Яковенко объединяет в единую нацию валахов и молдаван, указывая на наличие в их языке многочисленных славянизмов ²⁹.

Тут тоже необходимо определенное пояснение. Многие современные авторы обращают внимание на общность культуры молдаван и румын, подтверждая это в том числе русскими источниками XIX – начала XX вв. [Crihan, 1995; Şarov, Cuşco, 2002]. Россия в первой половине XIX в. продолжала претендовать на патронирование Дунайских княжеств. Подчеркивание авторами влияния римских колонистов на население древней Дакии, а также латинизации языка с использованием славянизмов – достаточно распространенная схема подачи краткой информации о населении Дунайских княжеств в русской литературе того времени.

Ф. Ф. Вигель. В данном контексте показательно звучат рассуждения Ф. Ф. Вигеля ³⁰ о Бессарабии и Дунайских княжествах: «Есть люди, которые опасаются всякой общей перемены в Бессарабии и находят свою пользу в расстроенном ее теперешнем положении, – писал Вигель в начале 20-х гг. XIX в., – они утверждают, что введение здесь совершенно русских обычаев и законов может иметь вредные последствия. Если наше правительство имеет тайное намерение присоединить некогда к России Молдавское и Валахское княжества, которые столько раз уже нашими войсками были заняты, то должно опасаться, по мнению их, чтобы не были мы встречены более как неприятели, нежели как спасатели. Напрасно! Когда до молдаван Запрутских дойдет слух о спокойствии и безопасности, которыми пользоваться у нас будут единоплеменники их, когда собственность будет здесь ограждаема законами, то Молдавия, может быть, опустеет; тысячи начнут перебегать к нам и станут населять обнаженные пустыни Буджака. Конечно, бояре еще более нас не полюбят и будут стараться вредить нам, но что могут они сделать? В искусстве наших генералов, в храбрости наших солдат скорее найдем мы вернейший залог наших будущих завоеваний, чем в содействии малодушных и бессильных соседей наших, обеспеченных и подавленных турецким игмом. Но нет, у нас и не думают о завоеваниях; мы видно устали от побед!» [Вигель, 1892: 35–36].

Тут снова необходимо обратить внимание на роль Российской империи в этнообъединительных процессах в Дунайских княжествах. По сути, под руководством П. Д. Киселева, куратора администрации Валахии и Молдавии, после Андрианопольского мира 1929 г. начался активный процесс

экономического развития княжеств, прежде всего посредством их освобождения от османского данничества. Подобная политика привела к тому, что в городах стали зарождаться зачатки капиталистических отношений. В этот период начинается популяризация румынского языка – заметим, с тенденцией выдавливания из него славянизмов со стороны интеллектуалов Валахии³¹.

Н. И. Надеждин. Путешествовавший в 1839 г. по Бессарабии один из основателей русской этнографической науки, Н. И. Надеждин, оставил подробное описание своей экспедиции. В нем присутствует подробное описание Кишинева, который стал менять свой облик при военном губернаторе П. И. Федорове³². «С тех пор началось перерождение Кишинева; и теперь, в каких-нибудь пять лет никто не узнает старого молдавского Кишинева».

Каким волшебным жезлом производится это превращение? – Талисман заключается в соревновании, которое весьма искусно пробуждено в самых жителях города. Они строятся добровольно, поощряемые выгодами, которые предварительно обеспечиваются сооружаемым им домам. Это расшевелило даже евреев, которым принадлежит теперь много прекрасных и великолепных зданий. Только молдаване мало еще принимают участия в общем рвении: они продолжают довольствоваться своими безобразными „касами” (домами – прим. авт.), гармонирующими с их полу-азиатским костюмом и полу-мусульманскими привычками.

Я не буду распространяться о наружности города, чтобы тем свободнее предаться впечатлениям, возбуждаемым жизнью его пестрого населения. В Кишиневе считается теперь больше сорока тысяч жителей. Все города здешнего края отличаются смешением языков и племен. Но тут мы увидели в первый раз особую стихию румынскую, во всей роскоши ее национальной самообразности.

Как нарочно для нас случился праздничный день, знаменующийся в Кишиневе общенародными гуляньями в прекрасно устроенном публичном саду. Добрый хозяин города имел любезную благосклонность сам повести нас туда. Гулянье только что начиналось. Среди сада, на широкой площадке, образуемой перекрестком аллея, гремела полковая музыка. Народ приливал густыми волнами и частью помещался кругом площадки, частью рассыпался по аллеям.

Еще многие из румунов, особенно старики, сохранили свой народный живописный костюм. Вместе с ним они, кажется, сохраняют и глубокое предубеждение против всего, отзывающегося новизной русско-европейской цивилизации. Эти кореняки, представители упорного румынского национализма, сидели безмолвно или прохаживались медленно, погруженные в самих себя. Вероятно, они уносились мыслью в те блаженные времена, когда Бессарабия оглашалась пронзительными звуками жидовских цимбал или бешеным визгом цыганского табора. О вкусах спорить нельзя: но заметно уже, что новое поколение решительно изменяет своим отцам. Почти вся аристократическая молодость одевается по-европейски, имеет или, по

крайней мере, показывает европейские потребности и прихоти. Первый знак к отступлению от старины, разумеется, и здесь, как везде, подается прекрасною половиною человеческого рода. Вы уже не различите теперь по платью румынских кукониц и куконок: богатейшие из них разубраны по парижским или, по крайней мере, венским картинкам мод. Только резкая печать полу-азиатской физиономии изобличает их недавнее усыновление Европе» [Надеждин, 30.07.2021].

Надеждин часто «молдаван» именуется «румынами». Молдаване у него скорее регионализм, при этом переселенцев из «соседних Подолии и Украины» он, по тогдашним нормам, именуется «русскими» [Надеждин, 30.07.2021].

На том этапе Россия видела в числе перспектив реализации балканского вопроса объединение Дунайских княжеств, но под протекторатом Российской империи, о чем открыто заявлял Николай I. Забегая чуть вперед, приведем несколько рассуждений российского императора, как нам представляется, важных: «Дунайские княжества (Молдавия, Румыния) образуют государство, под моим покровительством, и такое положение могло бы продолжаться. Сербия могла бы получить такую же форму правления. То же можно сказать о Болгарии: я не вижу причин, мешающих этой стране образовать самостоятельное государство»³³. Как заметил внимательный читатель, русский император рассуждал о перспективах создания независимых от Турции государств, в том числе молдавско-волошского под его протекторатом. То есть мысли ни о каком присоединении названных территорий к России он не рассматривал. В этом контексте целесообразно привести рассуждения русского императора в 1853 г. из другого источника. «Слова царя адресованы Н. Н. Муравьеву (Карсскому). „Я уже два раза мог овладеть Константинополем и Турцией, – говорил Николай Павлович Муравьеву, – в первый раз – после перехода через Балканы, а второй – ныне. Какие выгоды от завоевания Турции произошли бы для нашей матушки-то России, то есть для губерний – Ярославской, Московской, Владимирской и прочих? Мне и Польши довольно. Мне выгодно держать Турцию в том слабом состоянии, в каком она ныне находится” [Янковский, 1900: 16]».

Возвращаясь к воспоминаниям Вигеля, целесообразно вспомнить замечания о них И. П. Липранди³⁴, который охарактеризовал восприятие Филиппа Филипповича как очень негативное со стороны богатейших родов Молдовы.

Вигель обладал резким стилем изложения и имел привычку давать критические характеристики тем, о ком писал, в том числе представителям молдавской элиты. Липранди пишет: «Рукопись, сделавшись известной, не могла не возбудить против него злобы, особенно лиц, как например, Рознованов, Стурдз, князей Гиков, Морузи, Суццо и других знаменитых бояр Княжеств, которые удалились временно из отечества во время гетерии, не принимали участия в управлении...» [Замечания на воспоминания Ф. Ф. Вигеля, 1873: 140–141].

Что ж, в приведенном примере с Вигелем, помимо картины непростых взаимоотношений с местной элитой, подспудно демонстрируется расхождение интересов русского наместничества и местной элиты.

Однако утверждать, что Ф. Ф. Вигель не видел в людях ничего хорошего, тоже было бы несправедливо. Вот, например, как он характеризовал Александра Стурдзу (сына Скарлата Стурдзы) в своих «Записках»: «Изобразить самого Александра Стурдзу не безделица: в этом человеке было такое смешение разнородных элементов, такое иногда противоречие в мнениях, такая выпренность в уме; при мелочных расчетах в действиях, он так весь был полон истинно-христианских правил и глубокого, неумолимого злопамятства, осуждаемого нашею верою, что прежде чем начертать его образ, надлежало бы, если возможно, химически разложить его характер. Грек по матери, он более сестры принимал участие в судьбе эллинов; молдаван по отцу, он искренно любил своих соотечественников и всегда горячо за них вступался, забывая, что они враги его любезным грекам. Едва не сделавшись в Германии жертвою преданности своей к законным престолом, он обожал ее философию и женился на немке. Желая светильник наук возжечь на Востоке, он сей священный огонь хотел заимствовать у поврежденной уже в рассудке Европы. Друг порядка и монархических установлений, он мечтал о республике под председательством Каподистрии. Друг свободы, он ненавидел Пушкина за его мнимо-либеральные идеи. Он был все; к сожалению только совсем не русский. Воспитанный в Могилевской губернии, не понимаю, как он мог приобрести запас учености, с которым вступил на дипломатическое поприще; в знании языков древних и новейших мог бы он поспорить с Меццофанти. С 1815 года сделался он известен вместе с покровителем и другом своим, Каподистрией, в 1822-м вместе с ним сошел со сцены (как где-то уже я сказал) и на покое, так же как ныне я, строил историческо-политические воздушные замки.

Мне весьма памятны его беседы со мной; ибо, вследствие их, мнения мои о делах Европы и Востока начали изменяться. Он не скрывал желаний своего видеть Молдовлахию особым царством, с присоединением к ней Бессарабии, Буковины и Трансильвании. Освобождением одной Греции, по мнению его, дело на Востоке не должно было кончиться» [Вигель, 2005: 281].

В других своих воспоминаниях о Пушкине Липранди дает некоторое пояснение, говоря о Вигеле: «...Он писал об этом крае (Бессарабии – прим. авт.) под влиянием неудовольствия за неудовлетворение безграничного своего самолюбия, и в этом случае прибегает к приписанию себе всего, что было сделано лучшего в области» [Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди, 1866: 1216].

И. П. Липранди. Раз уж речь зашла о воспоминаниях Липранди, нельзя обойти стороной его характеристику высшего общества, которая представлена в его воспоминаниях о пребывании в крае А. С. Пушкина. В данном контексте вызывает интерес описание Липранди молдавской элиты. По его словам, «кишиневское общество слагалось из трех „довольно резких отделов”». В первом он называет «мир чиновный», во втором им выделяются

молдавские бояре, состоящие из находящихся на службе и зажиточных помещиков, и, наконец, третий, «самый замечательный» отдел – из людей военных [Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди, 1866: 1220]. Учитывая специфику наших очерков, мы обратим внимание на описание автором молдавского высшего света. В нем Липранди демонстрирует великолепное знание молдавской элиты, подчеркивает ее связь с запрутской Молдовой, выходцами откуда оказались многие помещики, в частности в годы «Филики этерии».

Наблюдения Липранди вплоть до настоящего времени являются наиболее полно отражающими годы пребывания А. С. Пушкина в Кишиневе, но, одновременно, представляют подробный источник, характеризующий нравы высшего общества Кишинева 1820-х гг. [Садиков, 1941: 266–295], специфику взаимоотношений представителей русской и молдавской культуры в высшем свете области [Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди, 1866]. Как и в последующие периоды, в этих вынужденных отношениях присутствовала определенная дистанцированность и в культурном плане. Например, ряд молдавских домов Пушкин, пребыванию которого Липранди в данных воспоминаниях уделил основное внимание, избегал посещать во время обеда, из-за наскучивших ему плацинд³⁵. Имели место и определенные языковые различия, хотя основная масса представителей молдавской элиты владела французским языком, который с детства изучали и русские дворяне. Тем не менее, известная дистанция наличествовала. Она не могла исчезнуть спустя всего 9–10 лет (пушкинская ссылка, о которой писал И. Липранди, проходила в 1821–1823 гг.) после событий 1812 г. – включения Бессарабии в состав нового имперского содержания.

Комментируя научное наследие Липранди, целесообразно привести слова Виктора Таки: «Статистические и этнографические работы Липранди о Балканах также свидетельствуют о взаимосвязи между военными и гражданскими формами знания, которая возникла в середине девятнадцатого века» [Такі, 2016].

Уход П. Д. Киселева с должности главы администрации объединенных княжеств, в связи с завершением реформ в Дунайских княжествах и назначением Турцией³⁶ двух господарей в Валахию и в Молдову, предопределил следующий этап в развитии этих территорий.

В Валашских княжествах наступает экономический упадок. В недрах интеллигенции возникает оппозиция³⁷.

Как известно читателю, события 1828–1829 гг. лишь продлили многоточие в российско-турецких отношениях. Андрианопольский мир был удобен России, но обладавшая еще значительными ресурсами, хотя и слабеющая Османская империя жаждала реванша. Следует предположить, что следующая российско-турецкая компания могла бы наступить гораздо раньше, но события «европейской весны» 1848 г., прокатившейся буржуазными революциями по странам Европы, способствовали пролонгированию начала следующей русско-турецкой войны (1853–1856).

А. Ф. Вельтман. Примерно в это же время, когда выходит в свет работа И. П. Яковенко, читатель XIX в. начинает знакомиться с произведениями Александра Фомича Вельтмана ³⁸, офицера русской армии, поначалу занимавшегося картографированием края по линии военного ведомства. В результате вышло в свет его исследование «Начертание древней истории Бессарабии» [Начертание древней истории Бессарабии, 1828], адресованное начальнику Главного штаба 2-й армии генерал-адъютанту П. Д. Киселеву.

В брошюре на четырнадцать листах достаточно подробно излагается видение А. Ф. Вельтманом исторического прошлого края. Анализ автором прошлого этих земель представляет Бессарабию как «коридор истории», на пространстве которого одни народы сменяли другие. Несмотря на ряд неточностей ³⁹, общая картина исторического наследия Бессарабии, рисуемая автором, отвечает той исторической информации, которая использовалась при описании края историками того времени. Отдельные положения данной работы продолжают сохранять востребованность и среди современных исследователей.

Содержательный, ненавязчивый и точечный стиль, как бы вырывающий фрагменты из бессарабской повседневности, делает чтение трудов А. Вельтмана занятием увлекательным и познавательным ⁴⁰.

Процесс, направленный на объединение Молдавского и Валашского княжеств, запущенный событиями 1848 г. и даже ранее, продолжался. Тут важно подчеркнуть, что он осуществлялся сверху, основная масса населения Дунайских княжеств – безграмотное крестьянство, обманутое в своих надеждах революцией 1848 г., выступало больше в качестве статиста в последующих событиях.

В данном контексте обращает на себя внимание часто забываемый документ 1858 г. Речь идет о «Конвенция относительно устройства Дунайских княжеств» (Париж, 7/19 августа 1858 г.). Принципиальность данного документа заключалась в том, что он провозглашал идею создания «соединенных Княжеств Молдавии и Валахии», которые продолжали оставаться под сюзеренной властью султана [Конвенция относительно устройства Дунайских княжеств, 1952: Ст. I]. Обратим внимание на следующее: в названном документе была представлена идея объединения княжеств, по сути, на конфедеративных условиях, что довольно быстро стало игнорироваться.

«Притирка» двух государств в общем котле продолжалась почти десять лет. Поднялась волна неприятия со стороны части молдавской элиты, недовольной игнорированием интересов молдаван. Проблема недовольства объединительными процессами транслировалась и представителями других государств, в частности на заседании следующей Парижской конференции (Париж, 26 февраля 1866 г.), на которой представитель России барон Будберг заявил, что, по мнению российской стороны, «подавляющее большинство молдаван желают разъединения» [Гросул, 2020 со ссылкой на Cristea, 1967: 1080].

Собственно, все закончилось гораздо раньше. Вигель в своих «Воспоминаниях» дал четкую характеристику ситуации: «Осенью не осталось ни малейшего сомнения насчет намерений всемирного завоевателя, быстро к нам приближавшегося, никаких надежд не только на продолжение с ним мира, но и на кратковременную отсрочку войны. Мы с турками сделались уступчивее, сбавили спеси и, вместо двух больших княжеств, стали ограничиваться рекою Прутом и узкою Бессарабией, мне после столько знакомою. С этим делом скорее можно было поладить; прошел даже слух, что Кутузов, столько же дипломат, как и воин, успел уже подписать о том и трактат, и Марин, более царедворец, чем поэт и воин, успел уже на этот случай написать стихи, в которые вклеил каламбур, что старик наказал мусульман и мечом и Прутом» [Вигель, 2005: 169].

Дальнейшие события, в том числе попытка протеста против объединительных процессов со стороны молдавских активистов, привели к кровавой расправе над ними, совершенной валашскими войсками » [Гросул, 2020].

Опять же основная масса сельского населения оставалась просто в неведении относительно происходящего.

В первой половине XIX в., до начала процесса объединения княжеств и формирования румынского государства, Россия еще питала надежды на то, что ее влияние распространится на оба Дунайских княжества (см. ниже). Можно лишь предполагать, что на том этапе России было даже выгоднее усматривать валашско-молдавскую общность. Последующие события, в том числе формирование самостоятельного румынского государства, сопровождались этнообъединительным валашско-молдавским процессом, в ходе формирования новой этносоциальной общности румын, с сохранением самоназвания «молдовень» как регионализма (у запрутских молдаван). При этом население запрутской части Молдавского княжества испытало и этнотрансформационный процесс, когда запрутские молдаване, как уже отмечалось, оказались вовлеченными в процесс румынизации. Напомним, этнотрансформационные процессы, называемые в научной литературе еще этногенетическими, характеризуются сменой основного признака этноса – этнического самосознания. И действительно, со временем, после процесса завершения этнополитического строительства Румынии, запрутские молдаване стали осознавать себя частью румынского государства и идентифицировали свою этническую идентичность как румыны.

Дополним, что в ходе изменения этнического имени частью этносоциального организма (речь идет о запрутских молдаванах, которые, с образованием Румынии и при соответствующей политике, осознали себя румынами), та часть этноса, которая меняет этническое имя, испытывает этнотрансформационную сепарацию. Для той части этноса, которая сохраняет свое этническое имя и не меняет этническое самосознание, как в случае с бессарабскими молдаванами, этот процесс является этноэволюционным.

Для того чтобы полностью завершить характеристику этнических процессов периода становления и развития румынского государства, необходимо подчеркнуть, что этнотрансформационную сепарацию, пережитую запрутскими молдаванами, в их среде дополнял процесс этногенетической консолидации, под которой следует понимать процесс слияния нескольких родственных по языку и культуре этнических единиц в одну новую, более крупную этническую общность [Тавадов, 2002: 196]. В рассматриваемом случае это румыны.

Что касается бессарабских молдаван, то они оказались в совершенно иных условиях. Самым главным отличием их от запрутских соэтников было то, что они, в силу исторических обстоятельств, были исключены из процесса нациестроительства в ходе оформления румынской государственности. На государственном уровне им никто не пытался присвоить иное этническое имя⁴¹. Таким образом, они в ходе дальнейших этнополитических процессов переживали этноэволюционные трансформации. Более того, преференции со стороны властей Бессарабии продолжала ощущать даже после 1873 г., когда она влилась в состав российских губерний⁴². Сохранению молдавскости способствовала и церковная политика в Бессарабии⁴³, в том числе сохранение кириллического письма в религиозной и светской литературе и в региональной периодике того времени.

Румыния же в ходе своего государственного самоутверждения латинизировала письменность и получила в 1885 г. румынскую автокефалию. Причем уже в 1919 г. при первом румынском митрополите Мироне Кристя территория Бессарабии была подчинена Румынской православной церкви⁴⁴, несмотря на протесты Русской православной церкви⁴⁵.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА)

Примечания

1. В XIX в. Российская империя осуществила следующие территориальные приобретения: **Александр I (1801–1825)**: Имеретинское царство (1810), Мегрельское (1803) и Гурийское (1804) княжества, Гянджинское (1804), Карабахское (1805), Шекинское (1805), Ширванское (1805), Бакинское (1806), Кубинское (1806), Дербентское (1806), северная часть Талышского (1809) ханства, Белостокский округ Пруссии, Тарнопольский округ Австрии, Финляндия, включая Аландские острова, Абхазское княжество, Бессарабия, Форт-Росс, Илисуйский султанат, Табасаранское майсумство, Кайтагское уцмийство, Аварское, Казикумухское, Кюринское, Мехтулинское ханства и др., Привислинский край, Краков и окрестности, Средний и Старший жузы Казахского ханства. **Николай I (1825–1855)**: часть Фэлледсдистрикта (Общего района), Балкария и Дигория, Карачай, Черкесия, Абазиния, Эриванское и Нахичеванское ханства, Черноморское побережье Кавказа от устья Кубани до крепости св. Николая (северной границы Аджарии), а также города Ахалцых и Ахалкалаки с окрестностями, дельта Дуная, Змеиный остров, Княжество Самос, Княжество Сванетия, Заилийский край (Семиречье), Чуйская долина, Ак-Мечеть, Сахалин. **Александр II (1855–1881)**: Амурский край, Приморье, Бухарский эмират, Илийский султанат, Хивинское

(Хорезмское) ханство, Кокандское ханство, Княжество Болгария, Восточная Румелия, Адрианопольский санджак, Баязетский (Догубаязитский) санджак, Аджарский и Карсско-Чилдырский санджаки. **Александр III (1881–1894):** Закаспийская область, концессия в Ханькоу (Ухань). **Николай II (1894–1917):** Бадахшан, Маньчжурская железная дорога (КВЖД) и её полоса отчуждения, Квантунский полуостров, Концессия в Тяньцзине, Северный Иран, Земля Франца-Иосифа (1873), Земля Императора Николая II (1913), Новосибирские острова (1770), Урянхайский край, Восточная Галиция, Буковина, вилайеты Турции: Битлис, Диярбекир, Эрзурум, Мамурет-уль-Азиз, Сивас, Трабзон, Ван.

2. «Жандармом Европы» стали именовать Россию за ее преследования революционных выступлений в Европе 1848–1849 гг., в частности после вмешательства в революционные события в Венгрии.

3. Вместе с тем нельзя забывать, что это была страна, отличающаяся своим консерватизмом. То же самое крепостное право было ею отменено только во второй половине XIX столетия, хотя процессы его ликвидации осуществлялись с императорского соизволения еще с последней четверти XVIII столетия. Их воплощению помешала череда внутренних и внешних процессов (русско-турецкие войны конца XVIII – начала и середины XIX вв., Отечественная война 1812 г., восстание декабристов, субъективный фактор – противостояние крупных землевладельцев и др.).

4. В церковной иерархии Молдовы на рубеже XVIII–XIX вв., как и в боярских кругах, не было единства во взглядах на внешнеполитическую ориентацию. По-прежнему были сильны константинопольские настроения, поддерживаемые фанариотским режимом в Дунайских княжествах. Однако султанский контроль православия устраивал далеко не всех, что способствовало формированию круга симпатизантов Московского патриархата. К слову сказать, подобные разночтения в настроениях имели место и в более ранние времена. Так, тайные миссии, направленные на укрепление связей с Россией, в разное время выполняли митрополиты Геден (1711), Вениамин (1739), Гавриил (1769–1774), Вениамин (1802 и 1807) (подробнее см.: [Шорников, 2018]).

5. Ириней (Тафуня), игум. Митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони) и основанная им Кишиневско-Молдавская митрополия. Аprobационная статья соискателя ученой степени кандидата богословия игумена Ириней (Тафуни) посвящена личности митрополита Гавриила (Банулеску-Бодони), ставшего основателем Кишиневско-Молдавской митрополии как части Русской Православной Церкви [Ириней (Тафуня), 25.05.2009].

6. Петр Семенович Куницкий родился 8 января 1874 г. в семье священнослужителя. Свою жизнь он также связал со служением Богу. Входил в число лучших учеников-эллинистов, подготовленных митрополитом Гавриилом (Бэнулеску-Бодони). В 1798 г. Петр Семенович принял сан священника. На протяжении последующих лет продолжал обретать вес в религиозных кругах. В 1800 г. становится протоиереем в Екатеринославе. В 1803 г. П. С. Куницкий переезжает в Одессу, где обращает на себя внимание своей деятельной хваткой. Протоиерей П. Куницкий много преподавал. Известен как соратник митрополита Бэнулеску-Бодони, после Бухарестского мира перебрался вместе с ним в Кишинев. Выполнял многочисленные поручения экзарха щепетильного характера. К их числу относится написание обзорной работы «Краткое статистическое описание Заднеэстровской области», анализу которой уделено внимание в настоящих очерках.

После митрополита Бэнулеску-Бодони П. С. Куницкий возглавлял Кишиневскую духовную семинарию до 1821 г., после чего вернулся в Одессу. Умер в 1837 г.

7. Встречавшееся в дореволюционной литературе слово «жид», обозначающее лицо еврейской национальности, использовалось практически до революции. Хотя при Александре II, особенно с 1861 г., сокращает свое применение. Всплеск его применения пришелся на начало XX в. – период предреволюционной обстановки, политики потворствования антисемитским настроениям, что привело к прецедентам физической расправы (погромы в Кишиневе, 1903, 1905 г.; еврейские погромы имели место и раньше, на протяжении XIX в. в 1821, 1859 и 1871 гг. в Одессе, в 1862 г. в Аккермане – все они носили случайный, спорадический характер; более организованную и кровопролитную форму еврейские погромы обретают с 1884 г., после вспышки насилия в Елисаветграде).

В 20–30 -х гг. XX в. в связи с проводившейся партией большевиков кампанией, направленной на борьбу с антисемитизмом, слово «жид» получает ограниченное распространение. Во второй четверти XX в. оно отражается в словарях как слово бранное и презрительное. Негативная коннотация слова и его производных в русском языке сохраняется и в настоящее время.

Слово «жид» в ряде языков (в польском – *żyd*, словацком – *žid*, в чешском – *žid*, – *žydas*, – *zsidó*) не носит негативного оттенка и продолжает применяться в их языковой среде. В украинском языке до революции это слово также употреблялось, получив в настоящее время негативную коннотацию, как и в русском языке.

8. По сути, в Дунайских княжествах крепостной зависимости в том виде, в каком она имела место в России, не было. Единственным крепостным этносоциальным сословием в крае выступали цыгане и отдельные семьи татар.

9. Напомним, что на момент включения Бессарабии в состав России краем управляли наместники, из богатых греческих родов, покупавшие право на правление краем у султана. Отсюда подражание молдавской элиты внешним атрибутам поведения, свойственной культуре представителей греческого и турецкого происхождения.

10. Павел Петрович Свиньин (8.06.1787 – 9.04.1839) – журналист, литератор, художник. Родился в семье отставного лейтенанта флота Петра Никитича Свиньиного. Матерью его была Екатерина Юрьевна, урожденная Лермонтова, родная сестра бабушки великого поэта М. Ю. Лермонтова – Петра Юрьевича Лермонтова. Бабушка Павла Петровича была в родстве с А. С. Пушкиным. Выходит, П. П. Свиньин был в родственных отношениях с двумя великими русскими поэтами. Являлся основателем журнала «Отечественные записки». Еще обучаясь в Благородном пансионе при Московском университете, проявил склонность к литературному творчеству. С 1806 г. служил в Министерстве иностранных дел. Уже в качестве дипломата совершил путешествие в Бокка-ди-Кастро на корабле «Рафаил», в составе русской эскадры под командованием адмирала Д. Н. Сенявина. В последующем описал это путешествие. В литературном творчестве уделял большое внимание этнографическим описаниям, что делает его записки важным этнографическим источником. Оказавшись с дипломатической миссией в Америке, пишет книгу «Взгляд на республику Соединенных Штатов Американских областей», оставляет записки о путешествиях в Англию. Продолжает заниматься этнографией и в России. В 1839 г. в Санкт-

Петербурге выходят в свет его «Картины России и быт различных ее народов» (Ч. I, с 40 гравюрами). Критиковался российскими западниками за то, что высказывался за сохранение самобытности России.

О разносторонности интересов П. П. Свиньина свидетельствуют его попытки занятий литературным творчеством. Автор двух исторических повестей – «Шемякин суд» и «Ермак, или Покорение Сибири». Занимался историей Петра Великого. Однако ничего из нее не опубликовал. Известен как собиратель. Ему принадлежал созданный им «Русский Музеум», в котором были представлены картины, скульптурные слепки, нумизматические коллекции, собрания рукописей и, конечно, картины. В «Отечественных записках» за 1829 г. помещена «Краткая опись» его коллекции, в которой, в частности, находились картины Шебуева, Веницианова, Воробьева, Лосенкова, Майкова, Орлова, Левицкого, Брюллова и др. Он и сам занимался живописью, в чем показал значительные успехи. Был избран академиком Академии художеств.

В биографическом словаре А. А. Половцева характеризуется следующим образом: «Как беллетрист Свиньин не возвысился над уровнем заурядного писателя. Он интересен, однако, как тип, выясняющий некоторые стороны того движения, которое происходило в русском обществе непосредственно после 1814 г., и в этом отношении многие его мысли заслуживают внимания. Если то, что он сделал, не всегда выходило удачно, то большая часть того, что он хотел сделать, было, действительно, общественной потребностью» [Русский биографический словарь, 1904: 221]

11. П. П. Свиньин писал: «По предложению покойного фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова был я послан Комитетом г.г. министров в 1815 году для обозрения и описания Бессарабской области» [Отечественные записки, 1818: IV].

12. Другом П. Сумарокова был К. Стамати. Кстати, именно благодаря Сумарокову Стамати стал узнаваемым автором в России.

13. По подсчетам Б. А. Трубецкого, П. П. Свиньин пробыл в Бессарабии около семи месяцев, с сентября 1815 по март 1816 г. [Трубецкой, 1959: 59].

14. Этнографическое значение публикации П. П. Свиньина освещено в уже называвшейся в тексте публикации: [Лукьянец, 1986: 8–9]. Позже, в 2001 г. текст П. П. Свиньина с комментариями был перепечатан в журнале «Stratum plus»: [Свиньин, 2001-2002]. Эта перепечатка, особенно комментарии к ней, вызвали критику со стороны отдельных исследователей [Сапожников, 2015:ч 213–214].

Помимо научной литературы интерес к исторической фигуре П. П. Свиньина сохраняется и на просторах интернета. См.: [Свиньин неугомонный!.., 07. 06. 2012].

15. Здесь необходим небольшой комментарий. Как помнит читатель, Бессарабия до включения в состав России, будучи в составе Молдавского княжества, находилась под протекторатом Османской империи. Эта империя являлась единственной, где официально была разрешена взятка (бакшиш). Собственно, от уровня взятки, даваемой султану, тот или иной претендент на молдавский престол (в частности, в фанариотский период) мог рассчитывать на получение фирмана на правление. Традиция дарить подарки в среде молдавского боярства была нормой. Поэтому неудивительно, что боярство, рассчитывавшее на особое положение в составе российского государства, всячески задабривало чиновника из столицы.

16. Об этом пишет Б. А. Трубецкой, со ссылкой на записки О. М. Бодянского. См.: [Трубецкой, 1959: 60]. См. также [Свиньин неугомный!., 07. 06. 2012]

17. Подобного рода поворот в судьбе П. П. Свиньина представляется сомнительным, что подтверждают изыскания уже цитировавшегося И. Сапожникова, в которых подчеркивается, что по возвращении в столицу сведения П. П. Свиньина были благосклонно приняты, и он получил повышение по службе и «был награжден каким-то орденом, но этот факт пока не удалось конкретизировать...» [Сапожников, 2015: 217]

18. Напомним, что в 30-е гг. в России оформляется два течения – «славянофилы» и «западники», во многом заложившие последующие тенденции, связанные с развитием литературы, гуманитарной науки и искусства в пореформенный период.

19. Тут опять необходима поправка. Говорить можно о романском характере бессарабских молдаван. При этом бессарабцы гагаузы – турки; болгары – южные славяне; русины, украинцы и русские – восточные славяне. Евреи Бессарабии тоже имеют явно не романское происхождение, хотя проживали в крае с XV в.

Напомним, что после длительного сопротивления войска римского императора Траяна одержали окончательную победу над гето-дакийским государством Децебала, после чего в 107 г. н. э. была основана новая провинция Рима – Дакия. Как следствие, на ее землях со временем получили распространение латинский язык и римская материальная культура. Для укрепления своего положения на фронтире Римской империи римляне стали разбавлять остатки гето-даков многочисленными переселенцами из других провинций империи, в их числе было немало число легионеров-ветеранов.

Бесспорным является тот факт, что население Дакии подверглось романизации, причем городское население ощутило на себе этот процесс значительно быстрее. При этом фракийские и другие племена за пределами римской провинции подвергались частичной римской аккультурации. Там получили распространение проявления так называемой провинциальной римской культуры, больше всего сказавшейся на элементах материальной составляющей.

Однако римское влияние, представляя собой важную веху в этнической истории восточных романцев, прерывается в 70-х гг. III в. Римских легионеров и романизованное население вытесняют карпы, сарматы и германские племена. На основе межэтнического этнокультурного микса формируется мощная полиэтническая черняховская культура, включившая в себя частично и позднеримское наследие романизованного населения.

Впрочем, во время великого переселения народов черняховцы не выдержали испытания временем и оружием. В конце IV в. н. э. гуны нанесли сокрушительный удар по насельникам Карпато-Днестровских земель. Население данной территории значительно сократилось. В V – VI вв. названные территории попадают под воздействие союзов славянских племен. У славян того времени только формируются предгосударственные объединения. Их влияние прерывается воздействием кочевых племен печенегов, которых в первой половине XI в. начали вытеснять узы (торки), но и они долго не удержались. Их выдавили половецкие племена (кыпчаки, куманы) (X–XI вв.).

Во время существования Древнерусского государства Карпато-Днестровские земли были включены в сферу его интересов. С его распадом названные территории в отдельные периоды входили в состав Галицко-Волынского княжества. Кстати, из Галиции регулярно пополнялся состав поликультурного населения региона. Оттуда, с Карпат, в край проникают волошские насельники. Так называли средневековую народность, сложившуюся в IX в. из романского и славянского населения. Этот термин, зачастую, в целом, обозначал средневековое восточнороманское население. Равно как и средневековое самоназвание коренного населения Украины – русы, сохранявшееся до XVIII, распространялось на все украинское население.

Тесные контакты волохов и славян способствовали созданию общих норм общежития в Карпато-Днестровских землях. В результате волохи Карпато-Днестровских земель выработали симбиоз этнических черт для формирования средневековой молдавской народности.

Кстати, у молдаван существует красивая и знаменитая легенда об основании Молдовы, в которой повествуется о вассале венгерского короля Драгоше, который охотился в Карпато-Днестровских землях за туром и повстречал в предгорьях Карпат русина Яцко. Тот сказал ему, что нижние земли не заселены. Это позволило волохам расселиться у Карпат и вниз по р. Молдова. Что касается Яцко, то он привел своих соплеменников (из Польши) и осел с ними от р. Сирет к Ботошанам.

Из вышеприведенной легенды становится видно, что у сторонников примордиальной теории есть на вооружении этнообъединительная легенда. Собственно, современные конструктивисты также привлекают к аргументации своей правоты легенду об общем происхождении.

20. Необходимо напомнить, что многочисленные похожие легенды имели хождение и среди других народов Европы. Так, литовская легенда гласит, что на месте, где когда-то охотился на тура великий князь Гедимин, была построена крепость. Так появился Вильнюс.

21. Это только авторский комментарий. Если даже согласиться с доводами сторонников данной теории, вызывает сомнение, по меньшей мере, сохранение в памяти поколений стремления вернуться на свои исторические земли. За столь длительный срок пребывания в горах современной Западной Румынии и Юго-Восточной Венгрии именно те территории должны были стать материнским местом данного народа.

22. Как уже отмечалось выше, в современной Республике Молдова, после обретения ею независимости в исторической науке образовалось два направления – румынофилы (П. Параска, И. Скурту и др.), являющиеся сторонниками теории исторического континуитета и включающие в общерумынское этническое пространство молдаван Республики Молдова, и молдовенисты (В. Я. Гросул, В. Стати, П. Шорников, В. Царанов и др.), подчеркивающие этноязыковую и историческую уникальность молдаван и отделяющие их от румынского этноса.

Внутри этих двух конструктивистских групп (по большому счету и те, и другие конструируют историю) имеются еще градации. Так, румынисты Молдовы делятся на сторонников объединения с Румынией и на тех, кто считает, что Молдова должна выступать самостоятельным вторым румынским государством.

Молдовенисты тоже не однородны в своей массе. Одни выступают за возвращение великой Молдовы путем объединения с землями запрутской Молдовы

(но не объединения с Румынией), другие за построение независимого молдавского государства без румынского влияния.

Градацию можно еще продолжать, но и без того видно, что история в деле этнической и добавим языковой (в Молдове идут постоянные дискуссии о том, как называть государственный язык – молдавским или румынским) идентификации носит не только научный, но и политический, перешедший в практическую плоскость ракурс. Подробнее см.: [Мухаметшин, Степанов, 2021; Степанов, 2015 и др.]

23. На это же указывал современник П. Свиньина П. Куницкий, вышеназванным трудом которого пользовался чиновник.

24. П. П. Свиньин говорит о комитете, созданном князем Калимахи «для собирания всех молдавских гражданских и уголовных узаконений и обычаев, имевших силу в продолжение четырех веков, с показанием их ветвей и источников», часть которых на момент написания автором своей записки была отпечатана в Яссах на греческом языке и переводилась на молдавский.

25. В данном случае П. П. Свиньин имеет в виду запрутских молдаван.

26. Напомним уважаемому читателю, что журнал «Отечественные записки» был инициирован самим П. П. Свиньиным. В первых его номерах основатель публиковал свои собственные заметки и статьи. Из-за патриотической патетики, свойственной перу П. Свиньина, журнал вызывал неоднозначное восприятие, однако его «толщина» постепенно стала привлекать солидных авторов, особенно после передачи его в аренду А. Краевскому. В журнале печатались В. Жуковский, В. Одоевский, Д. Давыдов, историк М. Погодин и др. В середине XIX в., в 1866 г., журналом начинает заведовать Н. Некрасов, которого после его смерти сменяет М. Салтыков-Щедрин.

27. Речь идет о времени, когда российский протекторат не распространялся на княжества.

28. Внимательный читатель наверняка уловил определенную схожесть рисуемой автором книги картины с проблемой современной коррумпированности политической элиты Республики Молдова, что превратилось в государственную проблему.

29. На это уже обратили внимание А. Долгий и А. Феля. [Долгий, Феля, 2018: 36–37]. В указ. труде И. Яковенко отмечается: «Народ валахский и молдавский, по смешению слов языка, ими употребляемого с некоторыми чужезванными наречиями, как выше сего сказано, составляет совсем отдельную нацию» [Яковенко, 1828: 86–87].

30. Филипп Филиппович Вигель (1786–1856) получил воспитание в имении князя Голицина, где общался с И. А. Крыловым. Был знаком и тесно общался с А. С. Пушкиным, знал Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского и др.

В словаре Брокгауза и Эфрона характеризуется как противоречивая личность, умевшая, с одной стороны, давать четкую и правдивую характеристику современникам, предсказывать последствия нахождения подобных людей у власти (Аракчеев), с другой – характеризовавшаяся как носитель «буйственного патриотизма», граничащего с черносотенством. В этой связи показательное его отношение к Н. В. Гоголю, П. Я. Чаадаеву, за что он получил реноме доносчика и политика, не разбирающегося в средствах борьбы, от известного в литературных кругах С. Я. Соболевского, друга и соратника А. С. Пушкина.

Вигель признавался одним из ярких мемуаристов XIX в. в России. См.: [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1890–1907; Новый энциклопедический словарь, 1911–1916].

В словаре братьев Гранат Ф. Ф. Вигель характеризуется как эрудированный и остроумный, но одновременно желчный и раздражительный человек, подвергший осуждению немало число своих современников.

Служил в московском архиве коллегии иностранных дел, был в составе русского посольства в Китае, в Керчь-Енек являлся градоначальником, состоял директором департамента иностранных исповеданий. Много путешествовал по России. Его воспоминания рекомендуются в качестве важного источника эпохи. См.: [Энциклопедический словарь Гранат, 1910: 55].

31. Позитии, направленные на очищение румынского языка от славянского влияния, прослеживаются и в дальнейшей языковой политике, после создания румынского государства.

32. На роль П. И. Федорова в изменении облика бессарабской столицы обращают внимание и современные историки. См.: [Борисова, 24.02.2021; Бабилунга 2020: 93–106]

33. Из беседы Николая I с английским послом Сеймуром 22 января 1853 года. Подробнее см.: [Зайончковский, 1908: 389]

34. Иван Петрович Липранди (1790–1880), генерал-майор русской армии, ветеран русско-шведской и Отечественной войн. Сотрудник тайной полиции. В годы нахождения А. С. Пушкина в Кишиневе был с ним дружен. Известен как военный историк и мемуарист. Автор воспоминаний об А. С. Пушкине и «Замечаний на воспоминания Ф. Ф. Вигеля».

35. Плацинда (плэчнтэ, рум. plăcintă) – вид печеного или жареного, обычно на сковороде, изделия, как правило, из вытяжного теста (встречаются из слоеного и дрожжевого) в виде обычно круглой формы лепешки с начинкой. Получила распространение в Республике Молдова, Румынии, на юге Украины.

36. Обратим внимание на то, что, несмотря на Андрианопольский мир, который, по сути, гарантировал автономию княжеств, Россия и Турция имели возможность влиять на их судьбу. Так, согласно договору, господарями могли назначаться только лица из местных бояр. Что и произошло в 1834 г. под влиянием Османской империи и с уходом П. Д. Киселева.

37. Оппозицию представляли организации «Frăție» (Братство), «Asociația patriotică» (Сообщество патриотов) и «Societatea Studenților Români din Paris» (Общество румынских студентов в Париже).

38. Александр Фомич Вельтман (20 июля 1800 г., Санкт-Петербург – 23 января 1870 г., Москва) известен как российский военный картограф (уволился в отставку в чине подполковника). Занимался археологией, этнографией, языкознанием.

Начальник Исторического отделения Главной квартиры армии (1826–1831). Директор Московской Оружейной палаты (1852–1870), действительный статский советник. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1854), действительный член Русского археологического общества (1869).

Получил широкое признание современников как писатель (пик популярности А. Вельтмана приходится на 30-е гг. XIX в.). Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Входит в когорту классиков литературы XIX столетия. Основоположник направления русского фэнтэзи.

О творчестве А. Ф. Вельтмана хорошо отзывались А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский.

Свыше десяти лет А. Ф. Вельтман прослужил в Бессарабии, истории и населению которой он посвятил ряд своих научных и литературных произведений: «Начертание древней истории Бессарабии», роман «Странник» и др.

Жизнь и творчество Александра Фомича Вельтмана привлекали еще современников писателя и разностороннего исследователя, однако сказать, что они основательно исследованы, было бы неверно.

39. К неточностям можно отнести попытку автора соотнести знаменитые Траяновы валы не с римским влиянием, а с бастарнами, историю Бессарабии с династией Бассарабов и т. п. ошибки.

40. Уважаемый читатель еще будет иметь возможность познакомиться с творческим наследием А. Ф. Вельтмана в IV разделе данной книги – «Образ молдаванина в творчестве русских писателей».

41. В особом положении оказалось население Южной Бессарабии, которая, в силу желания, прежде всего, Великобритании остановить российскую экспансию на балканском направлении, по результатам Парижского трактата 1856 г. была передана Османской империи, а в 1859 г. вошла в состав Румынии. Важно подчеркнуть, что Южная Бессарабия на момент отторжения ее от России представляла собой полиэтничный регион, где романоязычное население проживало, в основном по реке Прут – от Кагула до Рени.

Включение этой территории в состав Османской империи, а позже Румынии (1856–1878), как раз в период нациестроительства, когда этноревитализационные процессы особенно обострены, сказался на трансформации идентичности части романоязычного населения региона значительно больше, нежели пребывание всего населения Бессарабии в течение равного по времени (1918–1940) в составе румынского государства.

Сказанное позволяет выдвинуть предположение о том, что время второй половины XIX в. оказалось очень важным для формирования и самоутверждения молдавской и румынской идентичностей.

42. Вплоть до революционных событий 1917 г. российская власть рассматривала Бессарабию как национальную (молдавскую) окраину.

43. На всю территорию Бессарабии была распространена юрисдикция Русской православной церкви.

44. Напомним, что в межвоенный период Бессарабия входила в состав Румынии.

45. [Крылов, 04.04.2008]. Собственно, ситуацию, сложившуюся в церковной политике, после включения Бессарабии в состав королевской Румынии, можно назвать первым опытом по расколу русского православия в крае. Второй прецедент произошел уже в годы независимости, после развала СССР. Как справедливо подчеркивает профессор А. Крылов: «Вопреки принятому в отношениях между автокефальными православными церквями правилу, по которому на канонической территории одной православной церкви не могут создаваться параллельные структуры другой, Синод Румынской православной церкви в декабре 1992 г. принял решение о создании Бессарабской митрополии». (Подробнее см.: Крылов А. Православие в Молдавии: трудная судьба и неясные перспективы.)

Список литературы

- Бабилунга 2020 – *Бабилунга Н.* Бессарабия под русским правлением: История края в жизнеописании его губернаторов в XIX–начале XX вв. научный редактор: В. Я. Гросул; Институт социально-политических исследований и регионального развития, Тираспольское отделение Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Ассоциация историков и политологов «ProMoldova». – Тирасполь: Б. и., 2020 (Бендерская типография «Полиграфист»). 244 р.
- Болховитинов, 2001 – *Болховитинов Н. Н.* Образ Америки в России // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001. 496 с.
- Борисова, 24.02.2021 – *Борисова Т.* Наталья Абакумова-Забунова: «Европейским городом Кишинев стал благодаря незаслуженно забытому русскому губернатору Федорову» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vedomosti.md/news/natalya-abakumova-zabunova-evropejskim-gorodom-kishinev-stal> (дата публикации: 24.02.2021; дата обращения: 25.03.2021).
- Бутучел, 2013 – *Бутучел Р.* К вопросу об этногенезе румын. Процесс романизации: историографические подходы // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013, № 2. С. 78 – 91/
- Вигель, 1892 – *Вигель Ф. Ф.* Замечания на нынешнее состояние Бессарабии. Писано в октябре 1823 г. Москва: Университетская типография, 1892. 256 с.
- Вигель, 2005 – *Вигель Ф. Ф.* Записки. München: ImWerdenVerlag, 2005. 328 с.
- Галаган, 06.08.2016 – *Галаган М.* Митрополит Гавриил Бэнулеску-Бодони и его роль в становлении просвещения в Бессарабии // [Электронный ресурс]. URL: <http://izborsk.md/mitropolit-gavriil-benulesku-bodoni-i-ego-rol-v-stanovlenii-prosveshheniya-v-bessarabii/> (дата публикации: 06.08.2016; дата обращения: 22.12.2020).
- Грек, Руссев, 2011 – *Грек И. Ф., Руссев Н. Д.* 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинев: Stratum Plus, 2011. 142 с.
- Гром, 2018 – *Гром О. А.* В поисках идентичности: «бессарабский вопрос» и молдавское национальное движение начала XX в. в историографической перспективе // *Новое прошлое*, № 2, 2018. С. 130–145.
- Гросул, 2014 – *Гросул В. Я.* Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.). Кишинев, Б. и., 2014. 194 с.
- Гросул, 2018 – *Гросул В. Я.* Бессарабия в международных отношениях нового времени. Государственный институт международных отношений Молдовы, Ассоциация историков и политологов „Pro-Moldova”, Молдавское историко-географическое общество. Кишинев: Б. и., 2018. 475 с.
- Гросул, 2020 – *Гросул В. Я.* Промолдавские выступления в Румынии в конце XIX столетия // *Вопросы истории*, 2020, № 10 (2). С. 238–247.

Долгий, Феля, 2018 – *Долгий А., Феля А.* Отражение этнической принадлежности и происхождения коренного населения Бессарабии в источниках Российской империи (XIX – начало XX в.) // *Materialele Conferinței „Patrimoniul cultural: cercetare și valorificare“*, 27 septembrie 2018. *Culegere de studii*. Кишинев: Garomont Studio, 2018. С. 22–46.

Зайончковский, 1908 – *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой Т. I СПб.: Экспедиция, 1908. 764 с.

Замечания на воспоминания Ф. Ф. Вигеля, 1873 – Замечания на воспоминания Ф. Ф. Вигеля из дневных записок И. П. Липранди. М.: издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1873. 194 с.

Зашук, 1862 – *Зашук А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. 1862. Ч. 1. 582 с.

Иваненко, 11.04.2020 – *Иваненко И.* Борьба патриархов. Митрополит Гавриил на церковном фронте русско-турецких войн // [Электронный ресурс]. URL: <https://ukraina.ru/history/20200411/1027360826.html> (дата публикации: 11.04.2020; дата обращения: 21.12.2020).

Иванов, 2010 – *Иванов В. И.* Протоиерей Петр Куницкий: жизнь и деятельность основателя Екатеринодарского духовного правления: документы и материалы. Краснодар: Изд-во Краснодарского государственного университета культуры и искусств, 2010. 35 с.

Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди, 1866 – Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. Заметки на предыдущую статью // *Русский архив*, июль, 1866. С. 1213–1284.

Иринея (Тафуня), 25.05.2009 – *Иринея (Тафуня), игум.* Митрополит Гавриил (Бэнулеску-Бодони) и основанная им Кишиневско-Молдавская митрополия//[Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslav.ru/article/408560> (дата публикации: 25.05.2009 дата обращения: 21.12.2020).

Конвенция относительно устройства Дунайских княжеств, 1952 – «Конвенция относительно устройства Дунайских княжеств» (Париж, 7/19 августа 1858 г.). //Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. Москва: Государственное издательство политической литературы. 1952. С. 56–68.

Крылов, 04.04.2008 – *Крылов А.* Православие в Молдавии: трудная судьба и неясные перспективы // [Электронный ресурс]. URL:http://www.perspektivy.info/history/pravoslavie_v_moldavii_trudnaya_sudba_i_neyasnye_perspektivy_2008-3-4-17-1.htm (дата публикации: 04.04.2008; дата обращения: 12.01.2021)

Куницкий, 1813 – *Куницкий П. С.* Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте 1812 года. Сочиненное новоучреждаемой в Заднепровской области Кишиневской духовной

дикастерии первоприсудствующим, семинарии ректором и кавалером протоиереем Петром Куницким. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1813. 30 с.

Кушко, Таки, 2012 – *Кушко А., Таки В.* Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2012. 400 с.

Лукьянец, 1986 – *Лукьянец О. С.* Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1986. 114 с.;

Лукьянец, 2014 – Лукьянец О. С. Из истории молдавской этнографии (XVII – XVIII века). Кишинев: Б. и., 2014. Ч. 1. 128 с.

Лукьянец, 2015 – Лукьянец О. С. Путешествие в этнологию. Кишинев: Б. и., 2015. Ч. 2. 180 с.

Митрофанов, 19.07.2019 – *Митрофанов А.* Павел Свиньин: затравленный благотворитель // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pavel-svinin-zatravlennyj-blagotvoritel/> (дата публикации: 19.07.2019; дата обращения: 21.12.2020).

Мухаметшин, Степанов, 2021 – *Мухаметшин Ф. М., Степанов В. П.* Россия и Молдова: между наследием прошлого и горизонтами будущего (Очерки постсоветского времени 1991-2020 гг.). М.: Прогресс- Традиция, 2021. 416 с.

Надеждин, 30.07.2021 – *Надеждин Н. И.* Прогулки по Бессарабии // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/history/nadejdin3.htm> (дата обращения: 30.07.2021).

Начертание древней истории Бессарабии, 1828 – Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты, сочиненное Генерального Штаба Штабс-капитаном Вельтманом. М.: Тип. Семена Селиванского, 1828. 75 с.

Новый энциклопедический словарь, 1911–1916 – Новый энциклопедический словарь: В 48 т. / Под ред. К. К. Арсеньева. Т. 1–29. М., 1911–1916 / [Электронный ресурс]. URL: <http://rulex.ru/01030337.htm> (дата обращения: 12.04.2021).

Отечественные записки, 1818 – Отечественные записки Павла Свиньина. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. Т. I. 294 с.

Паскарь, 2014 – *Паскарь Е.* Неизвестная Молдавия: Европейские книгопечатные источники XV–XVI вв. о древнейшей и современной истории Молдавии. Одесса: ВМВ, 2014. 384 с.

Письмо Неакшу, 25.12.2020 – Письмо Неакшу – самый старый обнаруженный документ, написанный на румынском языке // [Электронный ресурс]. URL: https://ro.wikipedia.org/wiki/Scrisoarea_lui_Neac%C8%99u?fbclid=IwAR24I0THedmrjF7LlOQOn_6UMMvXftac-j2x6P6uytSsLWpFIJlkHKx2Np8#/media/Fi%C8%99ier:Scrisoarea-lui-neacsu-din-campulung.jpg (дата обращения: 25.12.2020).

Рабинович, 2000 – Рабинович Р. А. Испытание «волошским орехом», или Балканские волохи и русские волхвы. Stratum Plus, 2000, № 5. С. 262-390.

Русский биографический словарь, 1904 – Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского исторического

- общества А. А. Половцева. Русский биографический словарь. Т. XVIII. Сабанѣв – Смысловъ. СПб.: Тип. В. Демакова, 1904. 675 с.
- Садиков, 1941 – *Садиков П. А. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (По новым материалам)* // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 6. / АН СССР. Ин-т литературы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 266–295.
- Сапожников, 2015 – *Сапожников И.* «Описание Бессарабии» П. П. Свинына 1816 г.: поиск источников в связи с 200-летним юбилеем // *Scriptorium postum*, 2015, № 3. С. 213–258.
- Свинын, 1818 – *Свинын П. П.* Естественное описание Бессарабской области // *Отечественный записки Павла Свинына*. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818. 268 с.
- Свинын, 1867 – *Свинын П. П.* Описание Бессарабской области в 1816 г. // *ЗООИД*. Т. 6. Одесса: Гор. тип. Х. Алексомати, 1867. С. 175–323.
- Свинын, 2001–2002 – *Свинын П. П.* Описание Бессарабской области // *Stratum plus*, 2001–2002, № 27. С. 342–413.
- Свинын неугомонный!., 07. 06. 2012 – «Свинын неугомонный!..»/[Электронный ресурс]. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/1726655/post223180800/> (дата публикации: 07. 06. 2012; дата обращения: 26.12.2020).
- Стати, 2002 – *Стати В.* История Молдовы. Chişinău: S. n., 2002. 480 с.
- Стати, 2008 – *Стати В.* Молдаване: Историческое и этнополитическое исследование. Кишинев: Б. и., 2008. 488 с.
- Степанов, 2001 – *Степанов В. П.* Труды по этнографии населения Бессарабии XIX начала XX вв. (Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев). Под науч. ред. И. А. Анцупова и В. Ф. Горленко. Кишинев: Pontos, 2001. 264 с.
- Степанов, 2015 – *Степанов В. П.* Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989-2014 гг.). Российский ин-т стратегических исслед., Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко, Ин-т истории и гос. упр., Каф. археологии, этнологии и вспомогательных ист. дисциплин. - Москва ; Тирасполь: [б. и.], 2015. – 222 с.
- Суляк, 2004 – *Суляк С. Г.* Осколки Святой Руси. Кишинев: Татьяна, 2004. 242 с.
- Тавадов, 2002 – *Тавадов Г. Т.* Этнология. Учебник для вузов. М.: Проект, 2002. 352 с.
- Трубецкой, 1959 – *Трубецкой Б. А. П. П.* Свинын в Бессарабии (Из истории русско-молдавских культурных связей в начале XIX века) // *Ученые записки Кишиневского государственного университета*. Т. XXXVI (филологический). 1959. С. 56 – 65.
- Федоров, 1999 – *Федоров Г. Б.* Этногенез волохов, предков молдаван, по данным археологии (историографический аспект) // *Stratum plus*, 1999, № 5. С. 14 – 74.
- Филипенко, 23.12.2020 – *Филипенко А.* Куницкий Петр Семенович // <http://odesskiy.com/k/kunitskij-petr-semenovich.html> (дата обращения: 23.12.2020).

- Шорников, 2007 – *Шорников П. М.* Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестровского ун-та, 2007. - 400 с.
- Шорников, 2009 – *Шорников П. М.* Миссия митрополита Гедиона (к 350-летию первого обращения молдаван с просьбой о присоединении Молдавии к России)//Россия в исторических судьбах молдавского народа (К 350-летию миссии Молдавского митрополита Гедона в Москву). Под ред. Профессора Н. В. Бабилунги. Бендеры, «Полиграфист», 2009. С. 26–45.
- Шорников, 2018 – *Шорников П.* Народное православие в Молдавии: Очерки истории / П. Шорников; науч. ред. В. Я. Гросул [и др.]. Тирасполь: ИСПИРР, (ГУИПП «Бендерская типография „Полиграфист”»), 2018. 232 p.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1890–1907 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (4 доп.). М., 1890–1907.
- Энциклопедический словарь Гранат, 1910 – Энциклопедический словарь Гранат: В 58 т. М., 1910. Том: 10. 444 с.
- Яковенко, 1828 – *Яковенко И. П.* Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и Российской Бессарабской области. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1828. 303 с.
- Янковский, 1900 – *Янковский Д. П.* Личность императора Николая I и его эпоха. Юбилейная речь по случаю столетия со дня рождения. Варшава: Типография «Шиллер и Сын», 1900. 160 с.
- Crihan, 1995 – *Crihan A.* Drepturile românilor asupra Basarabiei după unele surse rusești. București: Editura Eminescu, 1995. 147 p.
- Cristea, 1967 – *Cristea Gh.* Manifestări antidinastice în perioada venirii lui Carol I în România (aprilie – 1 mai 1866) // Studii. Revistă de istorie, 1967, nr. 6. P. 1073–1093.
- King, 2000 – *King Ch.* The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture. Hoover Institution Press, 2000. 304.
- Ețco, 2004 – *Ețco D.* Destin Românesc. nr. 3–4. Mitropolitul (Gavriil Bănulescu-Bodoni): circumstanțe politice și oportunități. Chișinău–București, 2004, p. 38-52.
- Parvan, 1926 – *Parvan V.* Getica. O protoistorie a Daciei. Bucuresti, 1926. 850 p.
- Rösler, 1871 – *Rösler R.* Romanische Studien: Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens. Leipzig, 1871. 387 p.
- Stati, 1998 – *Stati V.* Istoria Moldovei în date. Chișinău: S. n., 1998. 490.
- Stati, 2007 – *Stati V.* Moldovenii din Ucraina. Chișinău: S. n., 2007. 484 p.
- Șarov, Cușco, 2002 – *Șarov I., Cușco A.* Identitatea națională a basarabenilor în istoriografia rusă din secolul XIX. În: Basarabia: dilemele identității. Iași, 2002. P. 21–36
- Taki, 2016 – *Taki V.* From partisan war to the ethnography of European Turkey: the Balkan career of Ivan Liprandi, 1790–1880 // Revue Canadienne des Slavistes. Volume 58, 2016. Issue 3. P. 257-285.

References

- Babilunga 2020 – *Babilunga N.* Bessarabiya pod russkim pravleniem : Istoriya kraya v zhizneopisanii ego gubernatorov v XIX–nachale XX vv. nauchnyj redaktor: V. YA. Grosul; Institut social'no-politicheskikh issledovanij i regional'nogo razvitiya, Tiraspol'skoe otdelenie Mezhdunarodnoj slavyanskoj akademii nauk, obrazovaniya, iskusstv i kul'tury, Associaciya istorikov i politologov «ProMoldova». – Tiraspol' : B. i., 2020 (Benderskaya tipografiya «Poligrafist»). 244.
- Bolhovitinov, 2001 – *Bolhovitinov N. N.* Obraz Ameriki v Rossii // Amerikanskaya civilizaciya kak istoricheskij fenomen. Vospriyatie SSHA v amerikanskoj, zapadnoevropejskoj i ruskoj obshchestvennoj mysli. M., 2001. 496 c.
- Borisova, 24.02.2021 – *Borisova T.* Natal'ya Abakumova-Zabunova: «Evropejskim gorodom Kishinev stal blagodarya nezasluzhenno zabytomu ruskomu gubernatoru Fedorovu» // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.vedomosti.md/news/natalya-abakumova-zabunova-evropejskim-gorodom-kishinev-stal> (data publikacii: 24.02.2021; data obrashcheniya: 25.03.2021).
- Butuchel, 2013 – *Butuchel R.* K voprosu ob etnogeneze rumyn. Process romanizacii: istoriograficheskie podhody // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2013, № 2. S. 78 – 91/
- Vigel', 1892 – *Vigel' F. F.* Zamechaniya na nyneshnee sostoyanie Bessarabii. Pisano v oktyabre 1823 g. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1892. 256.
- Vigel', 2005 – *Vigel' F. F.* Zapiski. München: ImWerdenVerlag, 2005. 328 s.
- Galagan, 06.08.2016 – *Galagan M.* Mitropolit Gavriil Benulesku-Bodoni i ego rol' v stanovlenii prosveshcheniya v Bessarabii // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://izborsk.md/mitropolit-gavriil-benulesku-bodoni-i-ego-rol-v-stanovlenii-prosveshheniya-v-bessarabii/> (data publikacii: 06.08.2016; data obrashcheniya: 22.12.2020).
- Grek, Russev, 2011 – *Grek I. F., Russev N. D.* 1812 – povorotnyj god v istorii Budzhaka i «zadunajskih pereselencev». Kishinev: Stratum Plus, 2011. 142.
- Grom, 2018 – *Grom O. A.* V poiskah identichnosti: «bessarabskij vopros» i moldavskoe nacional'noe dvizhenie nachala HKH v. v istoriograficheskoj perspektive // *Novoe proshloe*, № 2, 2018. 130–145.
- Grosul, 2014 – *Grosul V. YA.* Moldavskoe dvizhenie do i posle obrazovaniya Rumynii (1821–1866 gg.). Kishinev, B. i., 2014. 194.
- Grosul, 2018 – *Grosul V. YA.* Bessarabiya v mezhdunarodnyh otnosheniyah novogo vremeni. Gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij Moldovy, Associaciya istorikov i politologov „Pro-Moldova”, Moldavskoe istoriko-geograficheskoe obshchestvo. Kishinev: B. i., 2018. 475.
- Grosul, 2020 – *Grosul V. YA.* Promoldavskie vystupleniya v Rumynii v konce XIX stoletiya // *Voprosy istorii*, 2020, № 10 (2). 238–247.
- Dolgij, Felya, 2018 – *Dolgij A., Felya A.* Otrazhenie etnicheskoy prinadlezhnosti i proiskhozhdeniya korenogo naseleniya Bessarabii v istochnikah Rossijskoj imperii (XIX – nachalo HKH v.) // *Materialele Conferinței „Patrimoniul cultural:*

cercetare și valorificare“, 27 septembrie 2018. Sulegere de studii. Kishinev: Garomont Studio, 2018. 22–46.

Zajonchkovskij, 1908 – *Zajonchkovskij A. M. Vostochnaya vojna 1853–1856 gg. v svyazi s sovremennoj ej politicheskoj obstanovkoj* T. I SPb.: Ekspediciya, 1908. 764.

Zamechaniya na vospominaniya F. F. Vigelya, 1873 – Zamechaniya na vospominaniya F. F. Vigelya iz dnevnyh zapisok I. P. Liprandi. M.: izdanie Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete, 1873. 194.

Zashchuk, 1862 – *Zashchuk A. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Bessarabskaya oblast'. 1862. CH. 1. 582 s.*

Ivanenko, 11.04.2020 – *Ivanenko I. Bor'ba patriarhatov. Mitropolit Gavriil na cerkovnom fronte russko-tureckih vojn* // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ukraina.ru/history/20200411/1027360826.html> (data publikacii: 11.04.2020; data obrashcheniya: 21.12.2020).

Ivanov, 2010 – *Ivanov V. I. Protoierej Petr Kunickij: zhizn' i deyatel'nost' osnovatelya Ekaterinodarskogo duhovnogo pravleniya: dokumenty i materialy.* Krasnodar: Izd-vo Krasnodarckogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2010. 35.

Iz dnevnika i vospominanij I. P. Liprandi, 1866 – Iz dnevnika i vospominanij I. P. Liprandi. Zametki na predydushchuyu stat'yu // *Russkij arhiv, iyul', 1866. 1213–1284.*

Irinej (Tafunya), 25.05.2009 – *Irinej (Tafunya), igum. Mitropolit Gavriil (Benulesku-Bodoni) i osnovannaya im Kishinevsko-Moldavskaya mitropoliya* // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bogoslav.ru/article/408560> (data publikacii: 25.05.2009 data obrashcheniya: 21.12.2020).

Konvenciya odnositel'no ustrojstva Dunajskih knyazhestv, 1952 – «Konvenciya odnositel'no ustrojstva Dunajskih knyazhestv» (Parizh, 7/19 avgusta 1858 g.). // *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury. 1952. 56–68.*

Krylov, 04.04.2008 – *Krylov A. Pravoslavie v Moldavii: trudnaya sud'ba i neyasnye perspektivy* // [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.perspektivy.info/history/pravoslavie_v_moldavii_trudnaya_sudba_i_neyasnye_perspektivy_2008-3-4-17-1.htm (data publikacii: 04.04.2008; data obrashcheniya: 12.01.2021)

Kunickij, 1813 – *Kunickij P. S. Kratkoe statisticheskoe opisanie Zadnestrovskoj oblasti, prisoedinennoj k Rossii po mirnomu traktatu, zaklyuchennomu s Portoyu Ottomanskoyu v Buhareste 1812 goda. Sochinennoe novouchrezhdaemoj v Zadnestrovskoj oblasti Kishinevskoj duhovnoj dikasterii pervoprisudstvuyushchim, seminarii rektorom i kavalerom protoiereem Petrom Kunickim.* SPb.: Tip. I. Glazunova, 1813. 30.

Kushko, Taki, 2012 – *Kushko A., Taki V. Bessarabiya v sostave Rossijskoj imperii (1812–1917).* M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 400.

- Luk'yanec, 1986 – *Luk'yanec O. S.* Russkie issledovateli i moldavskaya etnograficheskaya nauka v XIX – nachale XX v. Kishinev: SHTiinca, 1986. 114.
- Luk'yanec, 2014 – *Luk'yanec O. S.* Iz istorii moldavskoj etnografii (XVII – XVIII veka). Kishinev: B. i., 2014. Part 1. 128.
- Luk'yanec, 2015 – *Luk'yanec O. S.* Puteshestvie v etnologiyu. Kishinev: B. i., 2015. Part 2. 180.
- Mitrofanov, 19.07.2019 – *Mitrofanov A. Pavel Svin'in: zatravlennyj blagotvoritel' // [Elektronnyj resurs].* URL: <https://www.miloserdie.ru/article/pavel-svinin-zatravlennyj-blagotvoritel/> (data publikacii: 19.07.2019; data obrashcheniya: 21.12.2020).
- Muhametshin, Stepanov, 2021 – *Muhametshin F. M., Stepanov V. P.* Rossiya i Moldova: mezhdru naslediem proshlogo i gorizontami budushchego (Ocherki postsovetskogo vremeni 1991-2020 gg.). M.: Progress- Tradiciya, 2021. 416.
- Nadezhdin, 30.07.2021 – *Nadezhdin N. I.* Progulki po Bessarabii // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.voskres.ru/history/nadejdin3.htm> (data obrashcheniya: 30.07.2021).
- Nachertanie drevnej istorii Bessarabii, 1828 – Nachertanie drevnej istorii Bessarabii s prisovokupleniem istoricheskikh vypisok i karty, sochinennoe General'nogo SHTaba SHTabs-kapitanom Vel'tmanom. M.: Tip. Semena Selivanskogo, 1828. 75.
- Novyj enciklopedicheskij slovar', 1911–1916 – Novyj enciklopedicheskij slovar': V 48 t. / Pod red. K. K. Arsen'eva. T. 1–29. M., 1911–1916 / [Elektronnyj resurs]. URL: <http://rutex.ru/01030337.htm> (data obrashcheniya: 12.04.2021).
- Otechestvennye zapiski, 1818 – Otechestvennye zapiski Pavla Svin'ina. SPb.: Tip. N. Grecha, 1818. T. I. 294.
- Paskar', 2014 – *Paskar' E.* Neizvestnaya Moldaviya: Evropejskie knigopechatnye istochniki XV–XVI vv. o drevnejshej i sovremennoj istorii Moldavii. Odessa: VMV, 2014. 384.
- Pis'mo Neakshu, 25.12.2020 – Pis'mo Neakshu – samyj staryj obnaruzhennyj dokument, napisannyj na rumynskom yazyke // [Elektronnyj resurs]. URL: https://ro.wikipedia.org/wiki/Scrisoarea_lui_Neac%C8%99u?fbclid=IwAR24l0THedmrjF7LlOQOn_6UMMvXftac-j2x6P6yytSsLWpFIJlkHKx2Np8#/media/Fi%C8%99ier:Scrisoarea-lui-neacsu-din-campulung.jpg (data obrashcheniya: 25.12.2020).
- Rabinovich, 2000 – *Rabinovich R. A.* Iskushenie «voloshskim orekhom», ili Balkanskije volohi i russkije volhvy. Stratum Plus, 2000, № 5. S. 262-390.
- Russkij biograficheskij slovar', 1904 – Russkij biograficheskij slovar'. Izdan pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo istoricheskogo obshchestva A. A. Polovceva. Russkij biograficheskij slovar'. T. XVIII. Saban'ev – Smyslov". SPb.: Tip. V. Demakova, 1904. 675.
- Sadikov, 1941 – *Sadikov P. A. I. P.* Liprandi v Bessarabii 1820-h godov (Po novym materialam) // Pushkin: Vremennik Pushkinskoj komissii. [Vyp.] 6. / AN SSSR. In-t literatury. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. S. 266–295.

- Sapozhnikov, 2015 – *Sapozhnikov I.* «Opisanie Bessarabii» P. P. Svin'ina 1816 g.: poisk istochnikov v svyazi s 200-letnim yubileem // Scriptorium nostrum, 2015, № 3. S. 213–258.
- Svin'in, 1818 – *Svin'in P. P.* Estestvennoe opisanie Bessarabskoj oblasti // Otechestvennyj zapiski Pavla Svin'ina. SPb.: Tip. N. Grecha, 1818. 268 s.
- Svin'in, 1867 – *Svin'in P. P.* Opisanie Bessarabskoj oblasti v 1816 g. // ZOOID. T. 6. Odessa: Gor. tip. H. Aleksomati, 1867. S. 175–323.
- Svin'in, 2001–2002 – *Svin'in P. P.* Opisanie Bessarabskoj oblasti // Stratum plus, 2001–2002, № 27. S. 342–413.
- Svin'in neugomonnyj!., 07. 06. 2012 – «Svin'in neugomonnyj!..»//[Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.liveinternet.ru/community/1726655/post223180800/> (data publikacii: 07. 06. 2012; data obrashcheniya: 26.12.2020).
- Stati, 2002 – *Stati V.* Istoriya Moldovy. Chişinău: S. n., 2002. 480.
- Stati, 2008 – *Stati V.* Moldavane: Istoricheskoe i etnopoliticheskoe issledovanie. Kishinev: B. i., 2008. 488.
- Stepanov, 2001 – *Stepanov V. P.* Trudy po etnografii naseleniya Bessarabii XIX nachala HKH vv. (Ocherki istorii etnograficheskogo izucheniya bessarabskih ukraincev). Pod nauch. red. I. A. Ancupova i V. F. Gorlenko. Kishinev: Pontos, 2001. 264.
- Stepanov, 2015 – *Stepanov V. P.* Etnopoliticheskoe konstruirovaniye grazhdanskoj identichnosti na dvuh beregah Dnestra (1989-2014 gg.). Rossijskij in-t strategicheskikh issled., Pridneprovskij gos. un-t im. T. G. SHEvchenko, In-t istorii i gos. upr., Kaf. arheologii, etnologii i vspomogatel'nyh ist. disciplin. - Moskva ; Tiraspol': [b. i.], 2015. – 222.
- Sulyak, 2004 – *Sulyak S. G.* Oskolki Svyatoj Rusi. Kishinev: Tat'yana, 2004. 242 s.
- Tavadov, 2002 – *Tavadov G. T.* Etnologiya. Uchebnik dlya vuzov. M.: Proekt, 2002. 352.
- Trubeckoj, 1959 – *Trubeckoj B. A. P. P.* Svin'in v Bessarabii (Iz istorii russko-moldavskih kul'turnyh svyazej v nachale XIX veka) // Uchenye zapiski Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta. T. XXXVI (filologicheskij). 1959. 56 – 65.
- Fedorov, 1999 – *Fedorov G. B.* Etnogenez volohov, predkov moldavan, po dannym arheologii (istoriograficheskij aspekt) // Stratum plus, 1999, № 5. 14 – 74.
- Filipenko, 23.12.2020 – *Filipenko A.* Kunickij Petr Semenovich // <http://odesskiy.com/k/kunitskij-petr-semenovich.html> (data obrashcheniya: 23.12.2020).
- Shornikov, 2007 – *Shornikov P. M.* Moldavskaya samobytnost'. Tiraspol': Izd-vo Pridnestrovskogo un-ta, 2007. 400.
- Shornikov, 2009 – *Shornikov P. M.* Missiya mitropolita Gediona (k 350-letiyupervogo obrashcheniya moldavan s pros'boj o prisoedinenii Moldavii k Rossii)//Rossiya v istoricheskikh sud'bah moldavskogo naroda (K 350-letiyu missii Moldavskogo mitropolita Gedeona v Moskvu). Pod red. professora N. V. Babilungi. Bendery, «Poligrafist», 2009. 26–45.

Shornikov, 2018 – *Shornikov P.* Narodnoe pravoslavie v Moldavii: Ocherki istorii / P. SHornikov; nauch. red. V. YA. Grosul [i dr.]. Tiraspol': ISPIRR, (GUIPP «Benderskaya tipografiya „Poligrafist”»), 2018. 232.

Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona, 1890–1907 – Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 t. (4 dop.). M., 1890–1907.

Enciklopedicheskij slovar' Granat, 1910 – Enciklopedicheskij slovar' Granat: V 58 t. M., 1910. Tom: 10. 444.

Yakovenko, 1828 – *Yakovenko I. P.* Nyneshnee sostoyanie tureckih knyazhestv Moldavii i Valahii i Rossijskoj Bessarabskoj oblasti. SPb.: Tip. A. Smirdina, 1828. 303.

Yankovskij, 1900 – *Yankovskij D. P.* Lichnost' imperatora Nikolaya I i ego epoha. YUbilejnaya rech' po sluchayu stoletiya so dnya rozhdeniya. Varshava: Tipografiya «SHiller i Syn», 1900. 160 s.